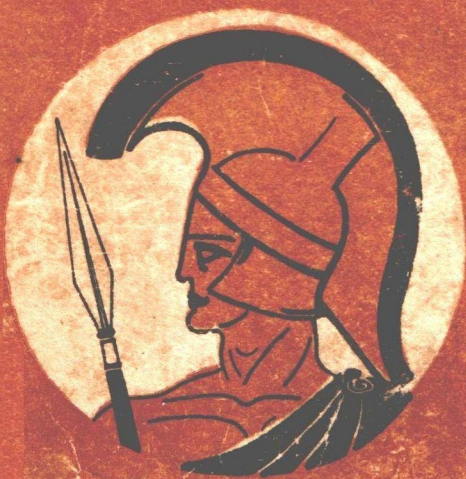

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА "БОРЬБА КЛАССОВ"

А. БЕРГЕР

СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ СПАРТЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) ПРАВДА

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
„БОРЬБА КЛАССОВ“

А. БЕРГЕР

СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
В ДРЕВНЕЙ СПАРТЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПЕЛОПОННЕСА И СПАРТЫ

Спарта, или Лакедемон, занимала южную часть большого Пелопоннесского полуострова, являющегося южной оконечностью Балканского полуострова.

Только очень узкий перешаек, в какой-нибудь десяток километров ширины, соединяет Пелопоннес со Средней Грецией и всем остальным Балканским полуостровом.

Пелопоннес в отдельных своих частях представляет собой систему замкнутых и трудно доступных горных долин, образованных пересечением крутых и высоких горных хребтов; таковы горные районы центральной части полуострова, его северные прибрежья, отчасти восточный берег.

Береговая линия Пелопоннеса развита слабо и почти на всем своем протяжении не образует удобных гаваней. Лишь на восточном побережье Эгейского моря довольно глубоко внутрь полуострова врезается Аргосский залив.

Это обстоятельство весьма затрудняло мореплавание, особенно на ранней ступени его развития.

Лишь часть восточного побережья Пелопоннеса, именно по берегам Аргосского залива, была с древ-

нейших времен включена в систему морских сношений восточной части Средиземного моря. Здесь находились крупнейшие центры крито-микенской культуры — Микены и Тиринф, достигшие высшей точки своего развития за много столетий до освоения территорий Пелопоннеса его позднейшим греческим населением.

Этот район получил в древней Греции название Арголиды, по имени главного центра этой территории — Аргоса.

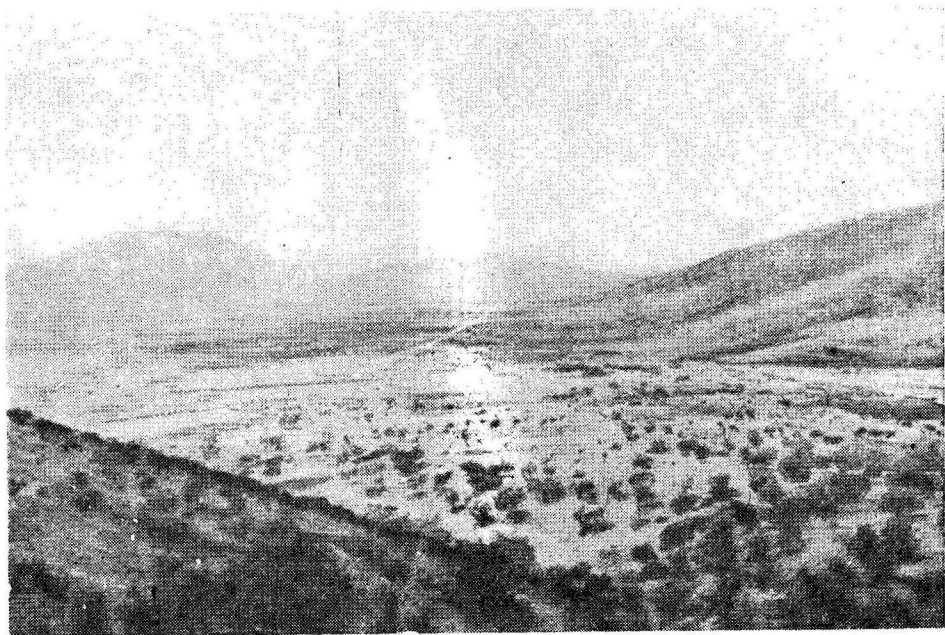
К морским берегам Арголиды прилегает холмистая местность, легко доступная с моря и в значительной своей части вполне пригодная для земледелия.

На западе Арголида примыкает к центральному горному району Пелопоннеса, где отдельные горные цепи поднимаются выше снеговой линии и отделяются друг от друга глубокими и труднодоступными ущельями, образуя во многих местах замкнутые горные районы. Этот район носил название Аркадии и был населен рядом мелких и самостоятельных племен.

На севере высокие нагорья центрального Пелопоннеса доходят до самого моря, образуя довольно высокий горный хребет. Эта труднодоступная и малонаселенная область называлась Ахайей и до III в. до н. э. играла весьма ничтожную роль в историческом развитии Греции.

На северозападе центральные нагорья Пелопоннеса спускались к широким и холмистым пространствам, доходившим до моря и занимавшим весь северозападный угол полуострова. Эта территория называлась Элидой и была заселена скотоводческо-земледельческими племенами, не объединявшимися в сколько-нибудь прочное политическое целое.

Самый юг Пелопоннеса — это две долины — Лаконская и Мессенская, разделяющиеся высоким, кое-

Ландшафт в Арголиде.

где покрытым вечными снегами хребтом Тайгета, идущим с севера на юг. Восточная, Лаконская, долина, орошенная рекой Эвротом, которую летом можно почти в любом месте перейти вброд, была основной территорией древней Спарты.

Северный конец Лаконской долины замыкается высоким хребтом — водоразделом между Эвротом и Алфеем. Долина здесь трудно доступна, и местность имеет суровый и дикий характер.

Далее к югу долина постепенно расширяется и, наконец, образует котловину километров в 30 в длину и 10 в ширину. Здесь и был расположен центр Спарты. Местность эта представляет собой соединение сурового величия горной природы с мягким холмистым и зеленым ландшафтом самой долины; Тайгет обрывается здесь со стороны Эврота величественными отвесными стенами в 500 метров высоты. У подножья этих суровых отвесов располагаются высоко поднятые над самой долиной террасы, по которым сбегают в долину многочисленные и бурные ручьи; террасы эти покрыты великолепными лесами с массой дикорастущих фруктовых деревьев. Ближе к реке, по холмистому дну котловины, тянутся плодородные и хорошо орошаемые пространства, удобные для зерновых культур. На другой стороне Эврота, в восточной части этой котловины, преобладают известковые почвы; здесь поднимаются возвышенности, бедные текучими водами и мало приспособленные для земледелия.

С юга эта котловина замыкается цепями холмов, образующих плодородную и хорошо орошенную местность. Самый южный, приморский участок долины представляет собой высокой плодородности аллюви-

альные¹ почвы, но местность здесь очень заболочена, и в летнее время года тучи комаров и москитов заставляют местное население уходить в горы.

Таким образом, Лаконская долина имела весьма ограниченные естественные ресурсы для прокормления населения.

Основная черта этой долины — ее замкнутость: на севере — высокие и недоступные хребты отрогов Тайгета и нагорий Аркадии, с запада — самый Тайгет, с востока — хребет Парнона, на юге — заболоченные берега Лаконского залива, а за заливом — на многие десятки километров лишенное островов морское пространство.

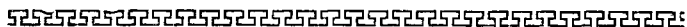
По другую сторону Тайгета, на запад, до самых морских берегов простирается сравнительно обширная долина — Мессения, с рекой Памизом. С севера нагорья Аркадии замыкают Мессению, которая, таким образом, естественными преградами отделена от остального Пелопоннеса, но широко открыта на юг и запад к морю; юг морского берега давал возможность связи с Лаконской долиной.

Мессения — страна, приспособленная для земледелия; почва ее пригодна даже для полевых культур. Мессения еще больше чем Лакония удалена от глазных центров средиземноморских стран, сосредоточившихся по берегам и островам восточной части Средиземного моря. Древнейшее греческое население Мессении, занимавшееся скотоводством и земледелием, сохраняло родовой строй, группируясь в небольшие, мало связанные друг с другом общины.

Таким образом, географические условия Лаконской

¹ Аллювиальные почвы — почвы, образовавшиеся от речных наносов.

долины и Пелопоннеса создавали неблагоприятную обстановку для быстрого развития производительных сил и тормозили развитие рабовладельческого общества. Тут дольше чем в других центрах Греции сохранялись патриархально-родовые отношения. Крайняя медленность развития обусловила те своеобразные черты общественно-политического строя Спарты, который мы будем в дальнейшем изучать.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СПАРТАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

ЗАХВАТ ЛАКОНСКОЙ ДОЛИНЫ И ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ КЛАССОВ В СПАРТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ДО VIII ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Спартанцы принадлежали к дорийской группе древних греков, так же как и население Арголиды, а отчасти — Элиды и Аркадии. Но спартанские, или лаконские, дорийцы были более поздними пришельцами в Пелопоннес чем их соплеменники-соседи, и поэтому им пришлось занять территорию, почти отрезанную от моря, расположенную внутри полуострова и не игравшую до появления там спартанцев никакой значительной роли в истории страны. На месте древней Спарты, как и вообще во всей долине Эврата, нет почти никаких следов того высокого культурного развития, которое на многие столетия предшествовало появлению в Пелопоннесе и вообще на Балканском полуострове древнегреческих племен и которое оставило такие яркие следы в Арголиде в виде знаменитых развалин Микен и Тиринфа.

Около начала IX в. до н. э. лаконские дорийцы вторглись в Пелопоннес с севера и в борьбе с местным населением — ахейцами (тоже принадлежавшими к группе древнегреческих племен и заселявшими Лаконию) — захватили долину Эврата. Это было, по-видимому, последнее крупное передвижение греческих

племен, о котором у древних греков сохранилось много преданий.

По рассказам позднейших греческих писателей (Геродот, Плутарх, Павсаний и др.), дорийцы пришли в Лаконию под предводительством царя Аристодема, праправнука самого полубога Геракла. Два сына Аристодема — близнецы Эврисфен и Прокл — оба были царями и явились основателями двух царских родов, причем род «старшего» из них — Эврисфена — был более влиятельным. Их преемники — цари Эврипон и особенно Сос — предводительствовали в борьбе с местным населением долины и с соседней Аркадией. В результате этой борьбы ближайшие племена аркадцев были покорены.

Почти все древние авторы, писавшие о Спарте, лишь очень глухо упоминают о внутренней борьбе, которая происходила среди самих завоевателей в связи с захватом Лаконии. Об этой борьбе только благодаря Геродоту сохранился отрывок очень интересного исторического предания о миниях. Согласно этому преданию, племя миниев, вытесненное с острова Лемноса весьма древним и негреческим народом — пеласгами, переправилось в Лакедемон; здесь они сначала поселились на Тайгете, а потом лакедемоняне отвели им землю, разделили их на филы и фратрии¹, после чего обе стороны стали вступать в перекрестные браки. Несколько позднее между лакедемонянами и миниями возникла борьба, в которой активную роль играли спартанские женщины; минии, вынужденные выселиться из Лакедемона, колонизировали остров Феру и другие местности Греции.

В этом предании, несомненно, отражаются та внут-

¹ Старинные родовые подразделения.

Долина Спарты и хребет Тайгета.

ренная борьба, которая сопровождала оседание до-рийцев в Лаконии, и начальный процесс распада в этой местности родового строя.

В обстановке напряженной, вооруженной борьбы за землю для поселения развитие производительных сил в Пелопоннесе шло медленно, и на этой основе соответственно медленно шел процесс классообразования и создания рабовладельческих отношений. Энгельс указывает, что для начала развития рабовладения необходима известная высота развития производительных сил, обеспечивающая некоторое накопление избыточного продукта. Полное же развитие рабовладельческих отношений предполагает еще более высокую степень хозяйственного развития.

«Не всякий может воспользоваться трудом раба. Для того же, чтобы рабский труд сделался господствующим способом производства в целом обществе, общество должно достигнуть гораздо высшего развития производства торговли и накопления богатств...»¹

Спартанцы, завоевав Лаконию, не повысили уровня развития производительных сил страны, а скорее, наоборот, понизили его.

Завоеватели вооруженным лагерем осели в удобном стратегическом пункте и основали свой военно-административный центр — Спарту — в виде нескольких близко друг от друга расположенных поселков, называвшихся по-гречески «комай». В рассматриваемую эпоху эти поселения имели характер военноорганизованных родовых союзов. Следы этой организации Спарта сохранила, как мы увидим, в течение всей своей последующей истории.

¹ Энгельс «Анти-Дюринг». Собр. соч. Т. XIV, стр. 143.

Захваченную в долине Эвроты землю спартанцы осваивали в процессе развития здесь классового общества. Древнейшие легенды, переданные Геродотом, рассказывают, что процесс этот протекал в обстановке напряженной борьбы, в течение которой родовые союзы завоевателей — спартанцев — сталкивались с различными группами местного населения, весьма несходными по степени своего общественного развития. Имеются основания предполагать, что в додорийской Лаконии это местное население разделялось на три слоя: 1) основную земледельческую массу, жившую в условиях родового быта отдельными, слабо связанными друг с другом поселениями, 2) выделившийся слой привилегированных индивидуальных хозяйств, сосредоточивавшихся в определенном районе, 3) намечавшийся торгово-ремесленный слой, живший главным образом в районе морского берега. Последние две группировки представляли высший, сравнительно с основной массой, слой населения, который оказал, по всей вероятности, наиболее сильное сопротивление завоевателям в затянувшейся на десятилетия борьбе и образовал «привилегированный» слой поработанного населения, получивший название «периэков»; остальная масса, называвшаяся «гелотами», или «илотами», подверглась личному порабощению и закрепощению.

В среде самих завоевателей происходил параллельный процесс разложения родовых отношений, сопровождавшийся внутренней борьбой; но возможность развертывания этой борьбы была весьма ограничена условиями военно-походного быта спартанцев. Родовые союзы спартанцев распались на несколько тысяч семей, каждая из них получила свой жеребьевый

земельный надел — «клер» — размером, по вычислениям современных ученых, в 25—30 га, с прикрепленными к нему гелотами. Клеры образовывали сплошную территорию в центральной части Лаконской долины, вокруг самого поселения Спарты. Остальную часть территории Лаконии составляли периекские земли. Клер не был в полном смысле слова собственностью той или иной спартанской семьи: его нельзя было ни дарить, ни произвольно завещать, ни вообще отчуждать в какой бы то ни было форме; тут очень сильно сказывались права родового коллектива на землю, хотя клер и находился в наследственном распоряжении той или иной семьи.

Этот порядок землепользования, установившийся в начальную эпоху спартанской истории, нельзя называть и соседской общиной, так как спартанские семьи не только не вели сами хозяйство на своих клерах, но обычно даже и не жили там, а были сосредоточены в военном порядке в районе главного центра Спарты. На спартанских клерах продолжало жить покоренное и поработанное спартанцами ахейское население долины Эвроты, гелоты, которые обрабатывали экспроприированные у них земли и доставляли средства существования завоевателям — спартанцам. Но гелоты не были в полном смысле слова рабами, так как они вели свое хозяйство на предоставленных им участках, отдавая большую часть урожая своим завоевателям — господам.

Греческий историк IV века до н. э. Эфор, хорошо знавший Спарту, не называет гелотов рабами. Он рассказывает, как основатель спартанской династии Агис покорил находившийся в приморской части долины Эвроты город Хелос, или Гелос, «а жителей его

обратил в некоторое зависимое состояние, так что те, кто владел гелотами, не могли ни освобождать их, ни продавать за пределы (своих владений)».

Гелоты были, таким образом, в порабощении и эксплуатации всего коллектива завоевателей, что вполне соответствует общим социально-экономическим условиям древнейшей Спарты, находившейся в стадии зарождения рабовладельческого общества и почти застойного положения в смысле развития производительных сил.

Отрезанная в своей долине от широкого общения с окружающим ее миром, Спарта почти не участвовала в развивавшейся торговле и не дала сколько-нибудь развитых ремесленных кадров. Хозяйственная жизнь ее замыкалась в потребительском сельскохозяйственном обороте. В хозяйственную систему древнейшей Спарты входили, с одной стороны, несколько тысяч более или менее равных клеров, расположенных на лучших землях Лаконии, а позднее, с захватом Мессения, и на основном массиве мессенских земель; с другой стороны, перизкские земли, тянувшиеся сплошной полосой на севере Лаконии и по морским берегам. Единственной функцией клеров было доставлять господствовавшей военной верхушке — «спартиатам» — продукты, которые давало сельское хозяйство.

Что касается другой части покоренного населения Лаконии — перизков, то они сохранили личную свободу и продолжали вести свое хозяйство на прежних основаниях, но были обязаны нести разнообразные повинности для Спарты, в том числе выставять военные контингенты — тяжеловооруженных гоплитов и даже конников. Прибрежные местности Лаконии,

заселенные главным образом перизками, и в VIII в. были экономически более развиты чем внутренние долины. Многие перизкские центры, по крайней мере в более поздние времена, имели явно ремесленный характер. Привилегированность перизков по сравнению с гелотами может быть объяснена рядом причин, из которых главная та, что они были на привилегированном положении и до завоевания; лучшему их положению способствовало и то обстоятельство, что поселения перизков были расположены на пограничной полосе и они имели возможность оказывать некоторое сопротивление завоевателям — дорийцам. Уже упомянутый афинский историк Эфор, связывавший происхождение перизков с завоеванием Лаконии дорийцами, рассказывает, что спартанцы сделали перизков полноправными гражданами, но потом второй спартанский царь, Агис, заставил их платить Спарте всякого рода оброки.

Верхушка завоевателей, сохранившая отношения разлагавшегося родового строя, образовывала тот непроизводительный слой в государстве, на который работало порабощенное население Лаконии. Но гелоты, даже если и сами они вели голодное существование, могли лишь в весьма ограниченных размерах снабжать своих порабощителей, ибо производительность земледельческого труда в раннюю эпоху возникновения и первоначального существования Лаконии была очень низка. Отсюда и вошедшая в поговорку суровость жизни спартанцев, которая, таким образом, в значительной степени объясняется также недостатком пищевых ресурсов в Лаконии.

Исторические предания спартанцев, дошедшие до нас в уже обработанном позднейшими греческими историками: Геродотом, Фукидидом, Эфором, Ари-

стотелем, Полибием, Плутархом — виде, говорят о том, что спартамцам приходилось вести непрерывную борьбу со своими соседями за землю, стремиться к захвату и закреплению новых масс земледельческого населения, которое могло бы расширить материальную базу завоевателей; с другой стороны, спартамцам приходилось подавлять эксплуатировавшуюся ими гелотскую массу и, наконец, с третьей стороны, в среде господствовавшей верхушки образовался избыточный элемент, который вызывал большие внутренние осложнения в общине завоевателей. Эти элементы, изгонявшиеся обычно из Спарты, образовывали кадры колонизаторов далеких побережий Средиземноморья.

СОСЕДИ СПАРТЫ В ПЕЛОПОННЕСЕ

Наиболее развитым соседом Спарты, с которым последней приходилось вести непрерывные войны, была Арготида, с центром в Аргосе. В Арготиде уже К VIII в. до н. э. дорийцами был образован ряд крупных поселений. Здесь господствовавшей верхушкой были землевладельцы, которым были подчинены в известной мере перизки. Последние владели небольшими участками земли и вели самостоятельные хозяйства, группировавшиеся вокруг отдельных разбросанных по стране центров городского типа. Это были зарождающиеся рабовладельческие полисы, в которых постепенно вырастало рабское население ремесленников и рабов, которые могли использоваться в сельском хозяйстве.

Но наряду с этим господствовавшая землевладельческая верхушка, сохранившая пережитки разлагавшихся доклассовых отношений, эксплуатировала на

своих землях труд «гимнесиев», весьма похожих по своему положению на спартанских гелотов.

Политически Аргоида не была прочно объединена: в ней самостоятельно развивались отдельные более крупные центры, как например Микены, Эпидавр, Трезен и др. Эти центры были связаны с главным центром — Аргосом — отношениями федеративного типа. Да и непосредственно подчиненные Аргосу перижские общины располагали известной самостоятельностью.

Аргос представлял собою картину резких социально-политических противоречий: с одной стороны, развивались рабовладельческие полисы, стремившиеся к замкнутости и независимости, с другой стороны, господствовавшая землевладельческая знать, пережиток разложения доклассовых группировок, жестоко эксплуатировала поработанных земледельцев — гимнесиев — и стремилась раздвинуть границы поработанных и эксплуатируемых ею районов на всю Аргоиду.

Эта противоречивость развития Аргойды, зависевшая от параллельного существования в ней развивавшихся рабовладельческих отношений и сильных пережитков доклассовых отношений, сделала Аргос центром острой классовой борьбы, которая затухала и разгоралась в зависимости от перипетий вековой борьбы Аргоса со Спартой. Иногда эта борьба выливалась в форму восстаний полурабской массы, как это имело место в конце VI в. до нашей эры.

Вот что рассказывает об этом Геродот,¹ описывая военный разгром аргосского войска спартанцами под командой царя Клеомена: «Аргос обезлюдел до такой степени, что все дела их поступали в ведение

¹ VI книга, гл. 83.

рабов, всем управлявших и распоряжавшихся, пока не возмужали сыновья погибших. Они тогда изгнали рабов и снова приняли Аргос в свои руки. После изгнания рабы с боя взяли Тиринф. Первое время между господами и рабами была дружба, но потом к рабам пришел некий прорицатель Клеандр, родом из Фигалии в Аркадии; он уговорил рабов напасть на господ. Отсюда возникла между ними весьма продолжительная война, из которой лишь с трудом вышли победителями аргивяне».

Этот рассказ Геродота важен еще в том отношении, что он позволяет глубже заглянуть в сущность общественных отношений и в древней Спарте, поскольку положение угнетенных масс в Аргосе и Спарте было весьма сходно.

Это относится главным образом к положению гелотов, так как восстание и временная победа гимнесиев сходны с революционными выступлениями гелотов. Крайне интересно то обстоятельство, что гимнесии восстают в результате «обезлюдения» Аргоса, т. е. в результате разгрома и уничтожения военных кадров господствовавшего класса. Ниже мы увидим, что и в Спарте гелоты восставали в аналогичных условиях, что «обезлюдение» Спарты и в господствовавшем классе вызвало социальное движение, связанное с проблемой освобождения гелотов и принявшее, таким образом, революционный характер.

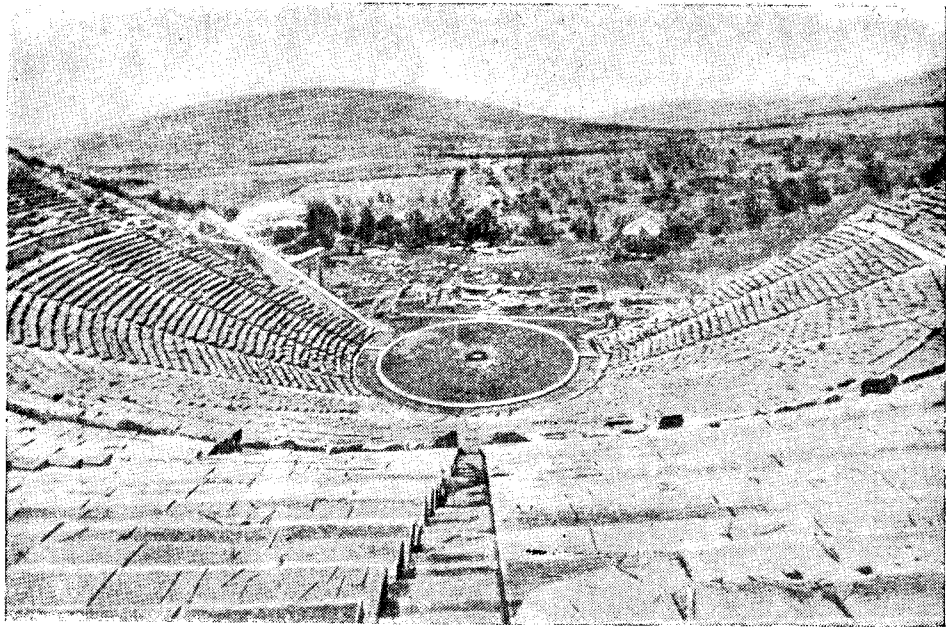
Весьма интересен подчеркиваемый Геродотом факт, что в начальной стадии движение гимнесиев не носило характера восстания; даже будучи изгнанным из Аргоса после нескольких лет господства там, гимнесии обосновываются в Тиринфе и вступают в мирные сношения со своими бывшими госпо-

дами. И только на последнем этапе движения гимнесии враждебно противопоставляют Аргосу свою организованную силу и вступают в упорную и продолжительную войну.

Движение гимнесиев нельзя, конечно, назвать восстанием рабов. Рабы не могли иметь никакой внутренней связи с Аргосом, а гимнесии выступали как трудовая масса, связанная со страной известными хозяйственными интересами. Это резко отличает рассматриваемое нами движение гимнесиев и весьма сходные с ними восстания гелотов от восстаний рабов.

Другими соседями Спарты были уже упоминавшиеся области: Аркадия, Ахайя и Элида; каждая из этих территорий состояла из нескольких слабо связанных друг с другом округов. Рабовладельческие отношения складывались здесь очень медленно.

К пелопоннесским территориям тяготели три крупных древних центра обмена: Коринф, Сикион и Мегара, — расположенные на важном торговом пути в районе Истма. Это были полисы, оформившиеся уже к VII в. до н. э. и выдвинувшие крупных политических деятелей—тиранов, представителей нового рабовладельческого класса, новых торгово-ремесленных интересов. Эти наиболее развитые в Пелопоннесе рабовладельческие города — полисы — оказывали сильное влияние на социально-политические отношения Пелопоннеса, в которых Спарта играла ведущую роль.

Театр в Эпидавре (Арголида). Построен в середине IV в. до нашей эры.

ПОРАБОЩЕНИЕ МЕССЕНИИ И ОФОРМЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ СПАРТЫ

Общественно-политический строй Спарты, складывавшийся в обстановке постоянных войн с соседними городами, окончательно оформился лишь после упорной борьбы за захват и порабощение плодородной Мессении. Об этих мессенских войнах сложился целый цикл народных преданий и песен, которые получили у позднейших греческих писателей и поэтов даже литературное оформление.

Уже упоминавшийся нами весьма поздний (II век н. э.) греческий писатель Павсаний передает довольно много этих легендарно-поэтических материалов. В качестве непосредственной причины войны Павсаний выдвигает столкновение мессенца Полихара, владельца больших коровьих стад, со спартанцем Эвфемом из-за пастбищ. В этом рассказе, отражавшем стремления спартанцев к захвату земель, Павсаний показывает основную причину наступления спартанцев на Мессению, начавшегося во второй половине VIII в. до н. э., при спартанских царях Феопомпе и Полидоре.

Греческие писатели III в. до н. э. Риан и Мирон в поэтической обработке предания о мессенских войнах изображают Мессению государством, которым правит царская династия Эпитидов в лице царя Эвфая, окруженного представителями местной аристократии. Война идет сначала с явным успехом в пользу мессенцев, но трагическая участь Мессении предопределена божеством, и постепенно центром сопротивления мессенцев делается гора Ифома, у границ

Аркадии. После 14 лет борьбы мессенцы были разбиты и покорены, а часть их выселилась в разные места Пелопоннеса и Греции. Оставшиеся должны были отдавать половину продуктов своего хозяйства завоевателям.

Через несколько десятков лет после этой, так называемой первой мессенской войны мессенцы под предводительством некоего Аристомена восстали против своих поработителей. Образ Аристомена как борца за освобождение Мессении от спартанского гнета окутан ярко романтической легендой.

Эта вторая мессенская война, судя по преданиям, запечатлевшимся в стихах одного из древних лирических поэтов — Тиртея, носила уже общепелопоннесский характер. Опасаясь за свою независимость в связи с возраставшей военной силой Спарты, на поддержку мессенцев выступили маленькие пастушеско-земледельческие народцы Пелопоннеса: аркадцы, пилийцы, пизаты. Самая крупная сила Пелопоннеса — Аргос — несмотря на свою враждебность в отношении Спарты не смогла оказать восставшим мессенцам существенной поддержки, так как в Арголиде в это время шла обостренная классовая борьба. Происходивший в это время в Арголиде процесс оформления полисов вызвал ожесточенные столкновения как между старыми и новыми группировками населения отдельных полисов, так и между северопелопоннесскими центрами: Коринфом, Сикионом, с одной стороны, и Аргосом — с другой.

После ряда битв, в которых вождь восставших мессенцев Аристомен совершал сказочно-геройские подвиги, происходит решительная битва у «Большого

рва»; победа остается за спартанцами лишь благодаря предательству аркадского вождя по имени Аристократ. После этой битвы центр военных действий переносится снова на север Мессении. Там мессенцы укрепляются в пограничной с Аркадией местности, на горе Эйра. Аристомен превращается теперь в героического партизана, который с отрядом в 300 человек терроризирует спартанские силы в Мессении, отбирает все продукты, так что спартанцы решают «на все время войны оставить Мессению и пограничную часть Лаконии без всяких посевов».¹ В конце концов Аристомен со своим отрядом нападает на лакедемонское поселение Амиклы, но терпит неудачу и попадает в плен. Его бросают в подземную темницу, откуда он чудесным образом бежит, и снова руководит мессенцами, расположившимися на Эйре. Случайность и предательство помогают спартанцам захватить Эйру; однако ее защитники в плен не попадают, а уходят за пределы Мессении и поселяются главным образом на северном берегу Пелопоннеса, у местечка Навпакта.

Область Мессении, захваченная спартанцами, была поделена на участки, которыми завладели спартиаты; оставшиеся мессенцы были превращены в гелотов, образовавших основную массу поработленного и жестоко угнетавшегося земледельческого населения.

Покорение Мессении и постоянная борьба с ближайшими племенными группировками и привели Спарту к тому, что там сложился своеобразный социально-политический строй, который характеризовался, с одной стороны, законсервировавшимися до-

¹ Павсаний, IV, 18.

классовыми отношениями в среде господствовавшей верхушки, с другой — тем, что эта верхушка овладела новой военной техникой, которая выковывалась в непрерывных походах и в обстановке военно-лагерного быта у себя дома. Как справедливо отметил буржуазный военный историк Дельбрюк, этот спартанский строй несмотря на свою примитивность был определенным прогрессом по сравнению с родоплеменными отношениями территорий, окружавших Лаконию.

ПЕРЕЖИТКИ ДОКЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ СПАРТЫ

Спартиаты осуществляли своего рода коллективную диктатуру над массой периеков и гелотов, которые были во много раз многочисленнее своих завоевателей. Этот «коллективизм» носил ярко выраженные признаки связанности с доклассовыми отношениями не только гомеровской, но, как указывал Энгельс, даже гораздо более древней эпохи.

«У позднейших греков, — пишет Энгельс, — следует различать дорийцев и ионян. У первых, классическим образцом которых служит Спарта, существуют брачные отношения, во многом еще более архаичные, чем изображенные у Гомера. В Спарте существует парный брак, видоизмененный государством в соответствии с местными воззрениями и во многих отношениях напоминающий еще групповой брак»¹.

Прежде всего необходимо отметить наличие значительных пережитков матриархата: женщины в Спарте играли значительную роль и в исторических данных о Спарте постоянно фигурируют

¹ Фр. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 85. 1933.

женские имена. Молодые девушки наравне с мужской молодежью участвовали в военной тренировке, а в более зрелом возрасте часто вмешивались в политику. Аристотель в «Политике» рассказывает, что женщины мешали знаменитому легендарному спартанскому законодателю Ликургу осуществлять его программу, реформ.

Но еще более показательны данные о пережитках полигамии и полиандрии. Спартанские цари могли брать себе одновременно несколько жен, если от первой не было потомства, точно так же и жена в Спарте могла сама вступать в связь с посторонним мужчиной, если у нее от мужа не было детей. Общественное мнение не порицало ее за такое нарушение супружеской верности, более того, при известных условиях сам муж мог приводить жене любовника. Наконец, сама государственная власть широко могла вмешиваться в супружеские отношения спартиатов. Все эти пережитки древнего, группового брака существовали наравне с основной формой брака в Спарте, свойственной рабовладельческим отношениям, — моногамией. У спартанцев существовала поговорка, хорошо выражавшая брачные отношения в Спарте: супружеская неверность в Спарте так же невозможна, как невозможен бык с такой длинной шеей, что он мог бы пить воду из Эвроты, находясь в Мессении и протягивая голову через Тайгет.

Брачные обычаи Спарты очень любопытно дополняются моментом самого заключения брака.

Брак в Спарте был в известной мере общественно-политической обязанностью. Один писатель конца IV в. до н. э. сообщает: «В Лакедемонии, говорят, женщины во время праздника приволакивают холостиков и секут их у жертвенника, для того чтобы

Развалины башни городской стены в г. Мессены, в Пелопоннесе.

изгнать из них себялюбивую гордость и заносчивость и заставить вовремя жениться». Сообщения других древнегреческих писателей говорят о наказуемости в Спарте безбрачия, позднего брака и, наконец, дурного брака, причем последнее наказывалось суровее всего.

Близкая заинтересованность общества и государства Спарты в брачных отношениях, так же как и элементы полигамии и полиандрии, говорит о прочности пережитков родового быта в среде спартиатов, ибо в доклассовом обществе регулирование брачных связей являлось одной из важнейших функций общественных органов.

Семейный быт господствовавшего класса в Спарте носил явные признаки обобществленности, что заставляло и античных и буржуазных идеологов видеть в Спарте какой-то положительный идеал «социалистического» порядка. Между тем причина этого обобществления заключалась в отсталости исторического развития спартанского общества. Спарта, вынужденная вести постоянную борьбу с восставшими гелотскими массами, все свое внимание направляла в сторону совершенствования своей военной системы, что обусловило крайнюю односторонность и замедленность культурного развития господствовавшего класса. К этому основному жизненному интересу приспособлялись и ему подчинялись все остальные стороны быта спартиатов. Семейная жизнь взрослого и полноправного спартиата занимала незначительное место в его быту: питался он вне дома, в так называемых «сисситиях» — общественных клубах, носивших характер постоянного учреждения, куда ежедневно собирались воины одного и того же военного подразделения.

«Сиссития» в переводе значит совместная трапеза. Каждый спартиат должен был вносить в свою сисситию определенное количество с'естных припасов, доставлявшихся ему гелотами с его клера. В сисситиях господствовало полное равенство в питании, причем питание это было очень грубым и должно было поддерживать и в мирное время суровый, военный закал спартиатов. Это были не только, так сказать, общественные столовые, но и мужские клубы, в которых мужчины проводили большую часть времени, а часто даже и ночевали. Сисситии помещались в общественных зданиях, которые разве только размерами отличались от обычных жилищ спартиатов. Во всяком случае, сохранившиеся до нашего времени развалины не дают возможности предположить, что для сисситий строились специальные здания. Павсаний, составивший своего рода путеводитель по достопримечательностям Греции, также ничего не говорит о специальных зданиях сисситий. Древнегреческие писатели, наблюдавшие Спарту в эпоху ее расцвета (особенно ценны для нас сообщения Геродота), связывают сисситии с военным строем Спарты; действительно, последние создавали для мужчин походную обстановку в мирное время, а это было необходимо потому, что мир мог быть в любой момент нарушен восстанием гелотов. Сисситии, таким образом, являлись учреждением, весьма выразительно говорившим о классовой сущности спартанского «коллективизма».

С другой стороны, сисситии были также пережитком древних доклассовых отношений, пережитком распространенных в родовых обществах «мужских домов», которые оформляли выделение из

родоплеменной организации мужских возрастных группировок и были связаны главным образом с обособлением группы молодых воинов. Эти возрастные группировки мужчин играли в доклассовом обществе роль крупных общественных организаций, о сущности которых нет возможности писать в данной книжке. Но можно с полным основанием утверждать, что сильные пережитки таких доклассовых возрастных группировок мужчин были налицо в древней Спарте, причем характер этих группировок весьма похож на те группировки, которые наблюдаются в современных доклассовых обществах, кое-где еще сохранившихся в глухих углах земного шара. Об этом нам **говорят** не только сисситии. Жизнь каждого спартиата возрастными гранями подразделялась на несколько периодов, причем спартиаты определенного возраста образовывали одну группу, имевшую определенную военно-политическую организацию. Деление это начиналось с момента рождения: новорожденного приносили в определенное место, к эфорам (см. ниже), которые решали, должен ли жить данный ребенок; слабых и нежизнеспособных, по рассказам древних писателей, умерщвляли, сбрасывая их с вершины Тайгета. Мы не знаем, можно ли этому верить полностью или античные идеологи разукрасили древние предания, но достоверно то, что государственная власть контролировала жизнь спартиата с момента рождения. До 8-летнего возраста мальчики воспитывались матерью, затем они поступали в ведение «пайдонома»¹ и до 12-летнего возраста подвергались суровому, главным образом физическому, воспитанию. С 12-летнего возраста суровость воспитания мальчи-

¹ Государственный воспитатель.

ков еще более усиливалась: кормили их весьма скудно, в качестве одежды давали только один плащ и зимой и летом, для закаливания подвергали всяческим истязаниям. Мальчики должны были приучаться кратко выражать свои мысли и желания, так как длинные фразы и всякий намек на ораторское искусство презирались спартамцами как несоответствовавшие их понятиям о гражданском достоинстве и воинской доблести. Отсюда произошло слово «лаконический», краткий.

С 14 лет мальчики вступали в возраст «эйренов» и, продолжая суровую

муштру, начинали помогать пайдономам в воспитании мальчиков младшего возраста. Эйрены должны были присутствовать в сисситиях, молча и почти совершенно прислушиваясь к разговорам мужчин, и в суровых условиях проходить военную подготовку, участвуя со взрослыми воинами в военных передвижениях

Спартанская девушка в спортивном костюме.

внутри страны, привыкая к лагерной жизни и к лишениям, которым их специально подвергали.

В конце 19-го года своей жизни эйрены получали полное вооружение воинов и вступали в члены одной из сисситий. С этого времени начиналась непрерывная лагерная жизнь, поддерживаемая и в мирное время и продолжавшаяся, с некоторым послаблением для старших возрастов, до старости. Это воспитание, развивая военные качества, задерживало культурное развитие олартиатав: многие из них были едва грамотны, не говоря уже о полном отсутствии у них литературного и научно-философского образования, которое так широко было распространено, например, среди афинской молодежи.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ СПАРТЫ

Политический строй Спарты был, конечно, неразрывно связан с характером классовых противоречий в самом обществе: он ярко отражал всю силу гнета и подавления спартиатами основной массы непосредственных производителей — гелотов, и в меньшей степени — периэков, а отсталость и примитивность классового развития Лаконии были обусловлены близостью этого общества к своему доклассовому прошлому.

Спартиаты делились на три древних дорийских племенных группировки (филы): диманов, памфилов и гиллеев. Это деление регулировало их родовые отношения и владение клерами. После завоевания Лаконии параллельно с этими древними, чисто родовыми группировками спартанцев развились и другие, более дробные группировки — «обы», в основу которых лег уже территориальный принцип. Вся территория Ла-

конии разделилась на довольно большое количество таких «обов», представлявших собой небольшие административно-территориальные округа. При помощи такой системы спартиатам легче было организовывать подавление как гелотской массы, так и периэкских районов.

Эта примитивная административно-политическая система была связана с новым, пятичленным делением и самих спартиатов. Теперь Спарта представляла собой совокупность пяти поселков сельского типа «комай», которые на протяжении большей части спартанской истории не образовали единого целого.

Замкнутость родовых группировок, почти не разрушавшаяся в Спарте ввиду крайне медленного развития производительных сил, препятствовала оформлению Спарты в рабовладельческий городской центр — полис. Спарта как центр представляла собой, таким образом, совокупность пяти племенных организаций, живущих сплоченно на пяти примыкавших друг к другу территориях, которые были заняты исключительно жилыми постройками и не располагали хозяйственными угодьями.

Над этим усложненным родовым строем надстраивалась весьма примитивная государственная организация, всеми своими учреждениями откровенно направленная против гелотов. Возглавлялась эта организация двумя царями, которые обладали полной компетенцией во всех военных делах. Происходили цари из двух родов — Агиадов и Эврипонтидов. В мирное время власть и обязанности царей были весьма незначительны: они были жрецами главного божества, обладали правом суда в некоторых делах о наследовании родового имущества, ведали общественными до-

рогами и участвовали в совете старейшин. Кроме этих прав они пользовались лишь незначительными привилегиями сравнительно с рядовыми спартиатами. Роль этих царей сводилась главным образом к военному командованию, и во время военных походов власть их становилась реальной. В мирное время царская власть совершенно ступшеывалась перед родовыми организациями, которые в древнейшую эпоху (до VI в. до н. э.) определяли общественно-политический быт Спарты.

С родовым бытом Спарты был очень тесно связан совет 30 старцев — «геронтов», в число которых входили и оба царя. Основной функцией этого совета — «герусии» — был уголовный суд, главным образом разбирающий дела об убийствах и членовредительствах. Герусия была также и военным советом царей. Члены герусии были выборными, но попасть в эту организацию мог спартанец не моложе 60 лет. Опять перед нами типичное явление доклассового общества — совет стариков. В исторической Спарте герусия играла весьма второстепенную роль потому, что это учреждение корнями своими было связано с родовыми отношениями, при господстве которых всякое возвышающееся над отдельными родами учреждение не могло обладать реальной властью. Но не надо, конечно, при этом упускать из виду то обстоятельство, что появление подобных надродовых учреждений свидетельствовало в свою очередь о процессе разложения родовых отношений.

Организацией, которая обладала в Спарте реальной властью, была коллегия пяти «эфоров», возникновение которой относится, повидимому, ко времени захвата Лаконии и разделения спартиатов на пять фил. В коллeгию эфоров, выбиравшуюся на один год,

входили представители новых фил, возникших в результате переформирования древних, родовых группировок; эта коллегия была организована для осуществления диктатуры спартиатов внутри страны.

Одной из основных функций эфоров в связи с формированием класса гелотов было подавление местного, мессенского населения. При вступлении в должность эфоры торжественно провозглашали войну гелотам.

Между эфорами и царями — военными представителями Спарты — шла глухая борьба за преобладание. К концу VII в. до н. э. эфоры одержали верх в этой борьбе и стали полновластными хранителями законсервировавшегося древнего социально-политического строя, выразителями интересов господствовавшей массы спартиатов в целом. Ежемесячно они требовали у царей клятвы в том, что цари будут осуществлять свою власть согласно древним, неписанным законам, взамен чего эфоры именем всей спартанской массы клялись охранять права царей. Вступая в должность, эфоры обращались ко всем спартиатам с призывом подчиняться своим незыблемым неписанным законам и стричь усы. По этому примеру — обращению эфоров — можно судить о примитивности государственного строя в Спарте и неприкосновенности окостеневшего на примитивной ступени развития классового общества.

Целый ряд интересных исторических фактов, передаваемых такими надежными историками древности, как Фукидид и Геродот, характеризует всевластное положение эфоров, установившееся с VI в. до нашей эры. Во второй половине VI в. до н. э. эфоры, по наговорам царя Клеомена, из царского дома Аги-

дов, лишают царского сана царя Демарата, из дома Эврипонтидов, и обеспечивают этим победу Клеомену. Во время греко-персидских войн эфоры умерщвляют верховного командующего греческими силами Павсания за измену и стремление к захвату власти при помощи гелотов.

Как выбирались эфоры, мы точно не знаем. Известно, что стать эфором мог любой спартиат, но кандидатура в эфоры выдвигалась какой-то сравнительно замкнутой группой. Сами выборы происходили в «народном» собрании спартиатов, называвшемся «апелла».

Апелла также имела весьма характерные для спартанского строя черты и во многом напоминала гомевскую сходку воинов. До VI в. до н. э. апелла один раз в месяц созывалась царями; в VI в. это право переходит к эфорам. Право выступления в апелле имели цари, геронты и эфоры, но не рядовые спартиаты. Собрание происходило так: в кратких речах формулировались подлежащие решению вопросы, а также предлагалось и самое решение; никаких других выступлений в апелле быть не могло. Собрание либо принимало предложенную формулу, либо с помощью тех же основных ораторов выдвигало другие формулы. Окончательное решение проводилось не голосованием, а простым криком, силой которого измерялось положительное или отрицательное отношение собрания к той или иной кандидатуре или к тому или иному предложению.

Необходимо отметить, что истолкователями таких весьма своеобразных решений апеллы выступили те же эфоры, что немало увеличивало их авторитет. Власть апеллы номинально была широка: она решала вопросы войны и мира, союзных отношений, вопросы

наследования царской власти, иногда принимала решения о перемене законов, для чего вносились особые формулы, называвшиеся «ретрами». Но фактически законодательная деятельность апеллы была очень ограничена, так как писанных законов в Спарте вообще не было, а законами являлись древние обычаи, которые подлежали изменению в самых исключительных случаях. Это отсутствие писанных законов сделалось даже одним из основных политических лозунгов в борьбе партий позднейшей Спарты, а в остальной Греции выдвигалось аристократами в качестве политического идеала. В других древнегреческих центрах писанные законы появлялись как признак оформления рабовладельческого полиса; первые писанные законы в наиболее развитых полисах приходятся на начало VII в. до нашей эры.

Рассмотренные нами формы политического строя являются ярким показателем его примитивности и отсталости культурного и социально-политического развития Спарты.

Не менее ярким показателем замкнутости и отсталости Спарты является запрещение всем неспартиатам посещать центр страны и принадлежавшие господствовавшему населению земли, так называемую «государственную территорию». Иностранцам же вообще запрещалось жить в пределах спартанского государства. Это был знаменитый «закон об изгнании чужестранцев», по-гречески «ксенелазия». При существовании такого закона сколько-нибудь развитый обмен был, конечно, невозможен.

В связи с этим в Спарте не существовало собственных денег до самого конца IV в. до н. э., т. е. до периода кризиса рабовладельческих отношений в древней Греции. В периэксских общинах обращались

монеты других полисов: Артоса, Коринфа, Сикиона, Мегар, — а в самую Спарту, особенно на «государственную территорию», доступ золотой и серебряной монеты, так же как золота и серебра, вообще был воспрещен. Это не значит, конечно, что золото и серебро не проникали в Спарту. Несмотря на то что Спарта была настоящим музеем политических и социальных древностей, под влиянием быстро росшей и развивавшейся Эллады постепенно расшатывались древние устои спартанского быта. С этим явлением мы столкнемся несколько ниже. Формально же, да и фактически в Спарте вместо денег обращались железные прутья, служившие в VIII — VII вв. до н. э. мерилom стоимости во многих районах Греции. Таким образом, торговля и меновой оборот были в Спарте в самом зачаточном состоянии.

Тесно связана со всем политическим строем Спарты и та система жестокого насилия, с помощью которой спартиаты старались держать в повиновении гелотскую массу. Выше мы упоминали о том, что эфоры при вступлении в должность объявляли войну гелотам; это отнюдь не было пустой декламацией. Спартиатская молодежь обязана была выполнять так называемую «криптию», т. е. «тайно совершаемые деяния», заключающиеся в ночных вооруженных прогулках по дорогам Лаконии и Мессении. Всякого гелота, встреченного во время этих рейдов, они должны были убивать на месте; теоретически это обуславливалось тем, что всякий странствующий ночью гелот неизбежно должен был быть заговорщиком, подготавливавшим восстание. Криптия, согласно объяснениям древних теоретиков и апологетов спартанского строя, с одной стороны, держала в страхе гелотов и уничтожала зародыши повстанческого движения, с другой

стороны, являлась прекрасной военной тренировкой для молодежи.

Все эти примитивные формы государственного строя Спарты были, однако, прекрасно приспособлены для выполнения своей основной задачи — подавления гелотской массы.

ЛЕГЕНДА О ЛИКУРГЕ

Своеобразный и замкнутый государственный строй Спарты с древнейших времен привлекал усиленное внимание политиков и писателей остальной высоко-развитой рабовладельческой Греции.

Как мы указывали выше, эти писатели и публицисты, принадлежавшие к аристократическим и олигархическим группировкам, занимались идеализацией Спарты и рисовали ее прошлое в легендарно-героическом стиле. Центральное место в этих изображениях занимал образ великого древнего законодателя Ликурга, жившего якобы при одном из первых спартанских царей. Этому законодателю приписывалось устранение социальной распри, которая была вызвана имущественным неравенством населения, сосредоточением земли в немногих руках и задолженностью остальной массы спартиатов, лишившихся своих земельных наделов. Ликург якобы кассировал долги и произвел передел земли, наделив всех спартанцев равными и неотчуждаемыми участками.

Согласно легенде, тем же Ликургом были созданы все только что рассмотренные нами государственные учреждения Спарты и установлен политический и социально-бытовой строй государства. Им же якобы была введена система воспитания молодежи.

Эта легенда о Ликурге, выражавшая идеологию олигархов, развивалась поборниками старины в самой Спарте, особенно со времени Пелопоннесской войны, когда существовавший в Спарте государственный строй начал разлагаться. Обострение в Греции классовой борьбы между богатой верхушкой и обнищавшей массой бывших рабовладельцев вызвало кризис существовавших общественных отношений, и многие видели выход из него лишь в возврате к далеким, прапрадедовским временам, причем эти времена, повидимому, рисовались в виде красочных бытовых картин из поэм Гомера. В предании о Ликурге, кстати, рассказывается и о его встрече с Гомером.

Реакционные элементы рабовладельческой Греции видели в Спарте свой социально-политический идеал, поэтому в отражавшей их настроения литературе возмечивался образ человека, якобы создавшего этот строй. Была ли в основу образа Ликурга положена действительно реальная, историческая фигура, подобная тем знаменитым законодателям, которые устанавливали гражданский порядок рабовладельческого общества во многих полисах Греции, как например Харонд в Катане, Питтак в Митилене, Фейдон в Аргосе, — нам точно не известно. Греческие законодатели действовали главным образом в VII в. до н. э. и оставили после себя письменные законы, следы которых сохранились в позднейшие времена, в Спарте же, как мы знаем, никаких письменных законов не существовало, а основные черты всего строя нисходили к доклассовым отношениям. Но самое оформление политического порядка в Спарте, происходившее в обстановке жестокой борьбы за захват Мессении и Лаконии, с одной стороны, и внутренней борьбы между реформировавшимися и частью распа-

давшимися родовыми союзами — с другой, весьма вероятно могло быть следствием деятельности крупного организатора и вождя, каковым и должен был быть Ликург. Предание о Ликурге мы находим уже у Геродота, т. е. тогда, когда идеализация спартанского строя лишь только начиналась.

СПАРТА И ПЕЛОПОННЕССКИЙ СОЮЗ

Спартанское государство, как мы знаем, занимало лишь часть Пелопоннеса: большая часть полуострова была занята родоплеменными союзами, или общинами, как например Аркадия, Элида, Ахайя. Политическая организация этих территорий, по сравнению со Спартой, была крайне низка, поэтому они не могли быть серьезными противниками Спарты и не могли самостоятельно выступить на защиту своих интересов. Так, во время второй мессенской войны одни общины выступали на стороне Мессении, другие — на стороне Спарты. С другой стороны, Спарта не могла подчинить себе эти общины, так как укрепленность их горных долин служила им надежной защитой: кроме того действенность Спарты была в значительной мере скована постоянной опасностью восстания мессенско-гелотских масс, а также борьбой с главной после Спарты силой Пелопоннеса — Аргосом.

Аргос, как мы видели, также не представлял собой политического единства: обширная (относительно, конечно) территория Арголиды к VI в. все более и более расчленялась на отдельные полисы с прилегавшими к ним землями, и между этими полисами часто возникала борьба. Военно-политическое значе-

ние Аргоса ослаблялось еще и теми внутренними противоречиями в его социальной структуре, на которые мы указывали выше. В итоге Аргос несмотря на гораздо большую чем в Спарте развитость рабовладельческих отношений имел в Пелопоннесе меньшее значение чем Спарта.

В результате сложной и многосторонней борьбы с племенами Пелопоннеса и с Аргосом Спарта к VI в. стала во главе большей части рабовладельческих государств и родоплеменных территорий Пелопоннеса, подчинив их в той или иной мере своему влиянию и до известной степени объединив их в «Пелопоннесский союз». Мы говорим «до известной степени, потому что этот Союз не имел ни четко выраженных отношений между своими участниками, ни постоянного аппарата и держался главным образом на факте военного преобладания Спарты и на присущей большей части этих «государств» Пелопоннеса примитивности социально-политического строя. В Пелопоннесский союз входили также Коринф, Сикион и Мегары — передовые в смысле своего общего социально-политического развития полисы греческого мира. Впрочем, они мало были связаны с Союзом и свои внешние сношения вели совершенно независимо. Но более близкие и более слабые «союзники» испытывали со стороны Спарты большой гнет, как например граничившие с ней общины Аркадии — Тегея и Мантиней, для вмешательства во внутренние дела которых Спарта применяла военные «санкции».

Такая политика Спарты приводила к сильным трениям, а иногда и к прямым враждебным выступлениям против Спарты. Это видно из полной драматических эпизодов деятельности спартанского

царя Клеомена I, из рода Агиадов, действовавшего в конце VI и начале V века. Этот царь окончательно закрепил гегемонию Спарты в Пелопоннесском союзе и в упорной войне разгромил Аргос, завершив свою победу сожжением аргосцев, укрывшихся в священной роще. Геродот рассказывает, что Клеомен приказал поджечь рощу со всех сторон. Под командой Клеомена спартанцы три раза нападали на Афины, стремясь подорвать быстрый рост политического и экономического значения Афин. Один из походов Клеомена, предпринятый, казалось, в самую опасную для Афин минуту, закончился ничем, так как кадры пелопоннесских союзников проявили крайнее раздражение против Спарты и разошлись с поля битвы, оставив спартанцев одних. О таких же враждебных Спарте течениях в Пелопоннесском союзе свидетельствует дальнейшая судьба Клеомена I, который, согласно рассказу Геродота, был уличен в подкупе дельфийского оракула, имея целью свержение второго царя, и вынужден был бежать в Аркадию, где начал вести антиспартанскую агитацию. Эта агитация так испугала Спарту, что эфоры немедленно вернули Клеомену полностью его царское положение со всеми вытекавшими отсюда материальными и политическими привилегиями.

Накануне греко-персидской войны Спарта достигла высшей точки своего военного могущества, опираясь на высокую для той эпохи военную технику, главным образом пехотного строя, которую выработал господствовавший класс спартиатов в процессе жестокого подавления земледельческой массы гелотов и в непрерывной борьбе с соседними территориями Пелопоннеса.

Однако это военное преобладание могло держаться прочно лишь при условии прочности социально-политического строя Спарты. Между тем бурный рост рабовладельческого хозяйства после греко-персидских войн привел к тому, что Спарта и весь Пелопоннес оказались окруженными кольцом товарно-денежных отношений, размывавших первобытную примитивность натурального хозяйства, в рамках которого жили Спарта и большая часть остального Пелопоннеса.

В это время у Спарты и Пелопоннесского союза появился серьезный противник в лице пышно развившейся и глубоко враждебной Спарте и Союзу афинской рабовладельческой демократии и Афинской морской державы.

В обстановке борьбы между этими двумя силами шел процесс разложения древнего спартанского социально-политического строя, который ускорялся острой классовой борьбой внутри Спарты.

БОРЬБА ПОРАБОЩЕННЫХ МАСС ПРОТИВ СПАРТЫ И РАЗЛОЖЕНИЕ СПАРТАНСКОГО СТРОЯ

ВОССТАНИЯ ГЕЛОТОВ
В V ВЕКЕ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Процесс разложения спартанского строя явно обозначился в V в. до н. э., хотя упоминаемая выше история царя Клеомена свидетельствует об известном расколе в среде спартиатов уже во второй половине VI века. Клеомен, повидимому, стремился превратить свою призрачную власть царя в военную диктатуру, причем собирался опереться для этого на кадры пелопоннесских союзников. Возможно, что у Клеомена было намерение привлечь для реализации своего плана гелотов и периеков, а также часть недовольных государственным строем спартиатов.

Через двадцать лет после Клеомена его попытку повторил царь Павсаний, верховный главнокомандующий греческих сил против персов. Павсаний подготовлял в Спарте переворот, который должен был дать ему военную диктатуру над Спартой и Пелопоннесом. Он мечтал даже о диктатуре над всей Элладой. Поселившись на малоазиатском берегу, он вступил в тайные переговоры с персидским царем и вел себя так демонстративно, что, как рассказывает Фукидид, «эфоры отправили к Павсанию глашатая со скиталою¹ и приказали за ним следовать, в против-

¹ Своего рода шифрованное послание.

ном случае спартанцы-де об'являют ему войну. Не желая возбуждать подозрений и рассчитывая с помощью денег снять с себя обвинение, Павсаний возвратился в Спарту. Сначала эфоры заключили его в тюрьму (эфоры имели на это право), но потом Павсаний добился того, что вышел на свободу и отдавал себя на суд тем, кто желал уличить его. Явных улик спартанцы... не имели никаких... Однако нарушением обычаев и подражанием варварам Павсаний возбуждал сильные подозрения в нежелании подчиняться существующему строю... ходили слухи, что Павсаний поддерживал какие-то сношения с гелотами. Эти слухи были верны, ибо Павсаний обещал гелотам свободу и права гражданства, если они примут участие в восстании и во всем будут помогать ему. Однако на основании кое-каких показаний гелотов спартанцы находили несправедливым принимать чрезвычайные меры". Далее, Фукидид рассказывает, как эфоры уличили Павсания и хотели арестовать его, но один из эфоров, который сочувствовал смелому царю, предупредил его о готовящемся аресте, и Павсаний убежал в один из чтимых храмов. Эфоры же нашли Павсания и замуровали его в храме, где он умер от голода.

Во всех этих событиях опять-таки проступают весьма примитивные черты общественного и политического строя: эфоры угрожают об'явить войну своему засевшему вдали от родины царю; царь, эфоры и сама Спарта здесь представляются какими-то внутреннѣ слабо связанными частями одного целого; царь ведет подпольную кампанию внутри и вне страны как сила посторонняя реально существующей

Уголок развалин древней Олимпии.

Спарте; наконец, эфоры применяют к нему подлинно варварскую меру.

Из того же рассказа Фукидида мы узнаем, что деньги уже в первой половине V в. играли в Спарте немалую роль. В это время начинается выделение богатой верхушки в среде самих спартиатов, а в связи с этим и среди гелотов усиливается брожение, возможно, находившее отклик у некоторых участников Пелопоннесского союза. Таким образом, как бы намечалось некоторое укрепление революционных сил.

В полном соответствии с этим обострением классовых противоречий шло усиление государственного аппарата в виде укреплявшейся диктатуры эфоров.

Некоторые сдвиги в старом социально-политическом строе Спарты, начавшиеся с конца VI в. до н. э., сопровождались укреплением власти спартиатов над гелотами, а в среде самих спартиатов — наруше-

нием старинного имущественного равенства, что вызвало упорную борьбу за власть и влияние.

Дальнейшее разложение спартанского строя происходило в неразрывной связи с бурным ростом рабовладельческого общества Греции, центром которого были Афины со сложившейся вокруг них морской державой и широко развитыми товарно-денежными отношениями. По мере развития Афинской морской державы, начиная с 60-х годов V в., сильно обострились отношения между Спартой и Пелопоннесским союзом и Афинами; это выражалось либо в прямых военных столкновениях (битва при Танагре в 457—456 г. до н. э.; вторжение в Аттику в 446 г.) либо в тайной поддержке Спартой подпольных олигархических организаций, стремившихся к ниспровержению демократического режима в Афинах и к уничтожению морского могущества Афин.

Однако агрессивность Спарты весьма ослаблялась непрерывными восстаниями гелотов. Большое восстание гелотов произошло в 464 г., в тот самый момент, когда спартанцы готовились послать военную помощь на остров Тазос, где олигархические группировки организовали выступление против Афин. Восстание гелотов 464 г. иногда называют третьей мессенокой войной, так глубоко потрясло оно весь примитивный государственный организм Спарты.

В том же году в Опарте произошло очень сильное землетрясение, причем погибло до 20 тысяч человек при общем количестве населения Лаконии в 200—300 тысяч. Среди погибших было много эфебов — мужской молодежи из числа спартиатов. Они были погребены в огромной братской могиле, названной

«сейсматиаτισ», т. е. «место, посвященное землетрясению». Возникшей среди спартиатов растерянностью воспользовались гелоты и организовали восстание в районе своей поработанной родины — в Мессении. К ним присоединилось периэксское население двух городов. Восставшие не рассчитывали на возможность сопротивления спартам в открытом бою и укрепились на той же горе Ифоме, в северной Мессении, которая была центром сопротивления мессенцев и во время первых двух нападений спартанцев. Весьма вероятно, что вожди восстания, о которых мы ничего не знаем, учитывая положение в Греции, рассчитывали на помощь враждебных Спарте демократических элементов Афин.

Дружественная Спарте группировка афинских олигархов организовала поход в Мессению на помощь спартам, не знавшим техники осадной войны; но появление афинского войска в Пелопоннесе вызвало большие опасения спартанцев, и они объявили афинянам, что не нуждаются в их помощи. «Этот поход, — пишет Фукидид, почти современник этих событий, — впервые повлек к открытой вражде между афинянами и лакедемонянами, ибо когда укрепление не было взято силой, лакедемоняне, опасаясь дерзновенной предприимчивости афинян и страсти их к переменам... встревожились, как бы они, по внушению ифомцев, во время своего пребывания в Пелопоннесе не произвели какого-нибудь переворота...»

Десять лет длилась осада Ифомы спартамцами и их союзниками. Очевидно, восставшие пользовались большими симпатиями в тылу своих врагов. В конце концов гелоты сдались при условии свободного от-

ступления, давши обязательство навсегда покинуть Пелопоннес. Всякий оставшийся в Пелопоннесе гелот из числа ифомцев делался рабом захватившего его. «Ифомцы удалились с женами и детьми, — пишет Фукидид, — а афиняне, конечно, из вражды к лакедемонянам, приняли их и поселили в Навпакте...» — небольшом центре на северном берегу Коринфского залива, незадолго до этого захваченном Афинами.

Так закончилось второе крупное восстание гелотов. Если это и не было восстание рабов в собственном смысле слова (вспомним указание Энгельса, приведенное выше), то, во всяком случае, — перед нами крупное восстание поработанных и эксплуатируемых масс, характерное для рабовладельческих обществ на ранней ступени развития, когда внеэкономическое принуждение переплетается с сильными доклассовыми пережитками как в господствующем классе, так и в поработанной массе, образуя ту причудливую картину социально-политических отношений, которую мы наблюдаем в древней Спарте.

Борьба с гелотами проходит красной нитью через всю историю Спарты в бурную эпоху конца V и половины IV в. до н. э. Эта эпоха характеризуется ожесточенной борьбой между двумя организациями греческих полисов, на которые распался тогда весь греческий мир: Афинской морской державой и Пелопоннесским союзом. Афинская стратегия рассчитывала на восстание гелотов в спартанском тылу, спартанская — на восстания и измену аристократических элементов Афин. Надо отметить, что расчеты афинян оправдались гораздо полнее чем расчеты спартанцев. Когда афинскому морскому командиру Демосфену в 425 г. удалось укрепиться на мессенском берегу у Пилоса, то этим Спарте был нанесен сильный удар,

заставивший ее немедленно пойти на мирные переговоры. Боязнь создания организационного пункта для гелотских восстаний была сильнее любых неудач в открытых сражениях.

Возраставшая потребность в военных кадрах заставила спартанцев привлекать к военной службе и гелотов, хотя бы для выполнения вспомогательных функций. Для того же, чтобы держать в повиновении гелотскую массу, спартанские власти систематически уничтожали всех более или менее выдающихся гелотов. Вот что рассказывает Фукидид, историк этой эпохи: «Устрашаемые коварством и многочисленностью гелотов, они (т. е. спартанцы. — А.Б.) учинили над ними следующее (всегда у лакедемонян большинство мероприятий направлено было к ограждению от гелотов): они об'явили, чтобы отделены были все гелоты, убежденные в том, что они оказали лакедемонянам наибольшие услуги в военном деле, обещая даровать им свободу. Они искушали гелотов, полагая, что все, считающие себя наиболее достойными освобождения, более всех способны вследствие самомнения обратиться против них. Таким образом, было выбрано около 2 тысяч человек. С венками на головах, как бы освобожденные, они обходили храмы, но вскоре после этого исчезли, и никто не знал, какой конец постиг каждого из гелотов».

РАЗЛОЖЕНИЕ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО КЛАССА СПАРТИАТОВ

Напряженность классовой вражды и усиление эксплуатации господствующими классами трудовой массы в Спарте возрастали параллельно с развитием процесса разложения законсервировавшегося спартанского строя и господствовавшей в нем верхушки. Признаки такого распада мы видели еще в конце VI в. до н. э., на примере царя Клеомена. Во второй половине V в. до н. э., в эпоху Пелопоннесской войны, Спарта втягивается в оживленные сношения не только с остальной Грецией, но даже и с Персией. Происходит бурное обогащение одних спартиатских родов и полное обеднение других. Неподвижные ранее, клеры теперь начинают сосредоточиваться в руках немногих семей, а их прежние владельцы теряют основную базу своего гражданского полноправия и переходят во вновь появившийся разряд «младших», или «меньших», граждан, по-гречески «гипомейонов». В этот же разряд начинают входить и так называемые неодамоды, дети гелотских или перизкских женщин от спартиатов. Мальчиков от таких браков воспитывали вместе со спартиатскими и пополняли ими быстро таявшие кадры спартиатов.

Процесс мобилизации спартиатских земельных наделов и дифференциации господствовавшей верхушки особенно быстро стал развиваться в IV в. до н. э., после того, как эфором Эпитадеем был издан закон, разрешавший свободную передачу клеров, хотя и только по завещанию и только среди спартиатов.

Этот закон свидетельствовал о больших сдвигах в экономике Спарты, происшедших к концу V в. до н. э., и сопровождался, как мы видели, соответству-

Гора Ифома в Пелопоннесе — центр восстаний мессенцев против спартанского порабощения

ющими социальными последствиями. Денежный оборот глубоко проник в верхушку спартанского общества. Эта верхушка начала все шире прибегать к покупке предметов как внутреннего производства (перизкское ремесло), так и ввозных. Деньги делались все более могучим орудием внутренних отношений. Господствовавшая верхушка быстро обогащалась и превращалась в плутократию, которая фактически вела роскошный образ жизни, лишь для маскировки признавая суровые старинные обычаи, запрещавшие, как мы знаем, хозяйственное использование драгоценных металлов и их накопление. В обход этих неписанных законов спартиатская плутократия использовала храмы соседней территории Тегей, в которых хранила свои богатства. Источниками обогащения спартиатской верхушки были, конечно,

не торговля и ремесло и не эксплуатация клеров, а военная добыча и военные субсидии богатой Персии.

Концентрация богатств в немногих руках сопровождалась увеличением задолженности большей части спартиатов немногим богатым семьям. Неоплатные должники могли компенсировать своих кредиторов только единственным путем: предоставив им, в обход закона, свои клеры. Закон Эпитадея, таким образом, лишь легализовал сложившиеся отношения, но не отменил самого принципа коллективного владения землей спартиатским классом. Клеры можно было отчуждать только внутри спартиатского класса и только в виде дарения или завещания. Но, разумеется, после закона Эпитадея процесс мобилизации спартиатских земель начал развиваться более быстрым темпом.

Параллельно с этим шел процесс экономического роста периэков, участвовавших, повидимому, в развитии денежных отношений в Спарте. Приморские периэксские города сильно выросли и приобретали все большее значение во внутренней жизни Спарты, а вместе с тем возрастало и политическое влияние всего периэкского класса, о чем мы можем судить хотя бы по тому, что с конца V в. до н. э. периэки появляются на командных должностях в спартанском флоте. Таким образом, возрастало противоречие между правовым угнетенным положением периэков и их фактической значимостью в экономической и политической жизни Спарты. Это противоречие в IV в. до н. э. вызвало брожение в среде периэков.

Должны были наступить изменения и в положении гедотов, но о них мы скажем в следующей главе.

Разложение спартиатской верхушки шло довольно быстрым темпом: в 479 г. до н. э., в героическую

эпоху конца греко-персидских войн, число взрослых спартиатов, владевших клерами, составляло согласно Геродоту, около 7 тысяч, в 418 г. до н. э., через 60 лет, по приблизительному подсчету, на основании данных Фукидида, — всего 2000 — 2500, а к концу IV в. до н. э. это число сократилось до 1 500. К середине же III в. до н. э., в эпоху выступления царей-реформаторов Агиса и Клеомена, всех спартиатов, владевших клерами, было 100. Кроме этих 100 человек звание спартиатов носили еще 600 бедняков.

Возвращаясь к процессу разложения спартанского строя конца V в. до н. э., надо отметить, что этот процесс был вместе с тем процессом развития рабовладельческих отношений как в Спарте, так и в остальном Пелопоннесе, хотя развитого рабовладельческого общества в Спарте не создано.

Возраставшая численность деклассированных спартиатов создавала угрозу существовавшему, хотя и выродившемуся, старому строю. Наиболее крупные политики и военные командиры выходили именно из этой деклассированной среды. Некоторые из них не прочь были произвести радикальный переворот, уничтожить знаменитый «ликургов строй», сохранив его военную систему, и захватить господство над Грецией. Таковы были планы знаменитого покорителя Афин в 404 г. — «наварха» (верховного командира флота) Лизандра. Лизандр являлся типичным представителем новой спартанской плутократии. За время своего командования он награбил почти на 2 миллиона рублей золотом и стремился теперь к «тирании», т. е. к своей личной военной диктатуре над Спартой и остальной Грецией. По всей вероятности, в его планы входило также то или иное видоизменение гелотской зависимости.

Но старые владельческие группы спартиатов выдвинули диаметрально противоположный план действий, предложив полное восстановление подлинного «ликургова строя». Представителем этой группы был царь Павсаний II.

Павсаний проповедывал возврат к имущественному равенству спартиатов, описывая особенно подробно и ярко «ликургов строй» и самую деятельность знаменитого основателя «идеального» спартанского строя. Однако эти призывы не находили достаточного отклика в правящих кругах Спарты.

В 398 г. деклассированные элементы Спарты сделали попытку организовать переворот. Кинадон, принадлежавший к группе гипомейонов, организовал заговор, в котором принимали участие не только деклассированные спартиаты, но также периэки и гелоты. Кинадон убеждал своих союзников в том, что весь Лакедемон примкнет к заговору и только ничтожная кучка спартиатов, которую можно перечесть по пальцам, будет защищать существующие порядки. Кинадон представлял *себе* заговор как восстание масс, которые вооружаются чем попало: оружием могли служить орудия труда — и земледельца, и дровосека, и каменщика. По мнению Кинадона, всякий трудящийся легко найдет, с чем ему выйти на борьбу со своими угнетателями. Заговор имел целью устранение правящей верхушки, в результате чего поработенные сословия должны были получить свободу, а сам Кинадон — стать диктатором Спарты. Один из заговорщиков предал своих товарищей, а Кинадон под пыткой выдал главных организаторов. Все заговорщики были приговорены судом эфоров к казни.

УПАДОК ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СПАРТЫ В IV В. ДО Н. Э. И ОСВОБОЖДЕНИЕ МЕССЕНИИ

Внутренняя история Спарты первых десятилетий IV в. нам известна весьма мало. В 80-х и 70-х годах IV в. до н. э. Спарта при содействии Персии выдвигается на положение диктатора всего греческого мира: ее гарнизоны под командой «гармостов»¹ занимают главные центры Пелопоннеса и даже Беотии. Появляются гармосты и в перизжских городах. Всюду их появление сопровождается насилиями и усилением угнетения населения. В среде перизжков нарастает недовольство, а параллельно с этим возрастает ненависть к Спарте в среде масс всего Пелопоннеса, так как спартанская диктатура приобретает явно выраженный аристократически-землевладельческий характер. В связи с этим растущим недовольством и обострением социально-политических противоречий происходит укрепление политической организации Спарты: усиливается царская военная власть, усложняется государственный аппарат. Гармосты подчиняются непосредственно спартанскому царю Агесилаю, которого окружает еще группа личных «советников».

Таково было положение до 70-х годов IV в. до нашей эры. В 371 г. Беотия, наиболее пострадавшая от спартанского владычества, выступила против Спарты. Городские и земледельческие массы главного центра Беотии — Фив — выдвинули политического и военного вождя Эпаминонда, который нанес Спарте

¹ Военные командиры гарнизонов в захваченных спартамцами полисах, располагавшие чрезвычайной властью.

тяжелый удар, разгромив ее военные силы в битве при Левктрах. Победа Эпаминонда вызвала взрыв восстания против спартанского владычества по всему Пелопоннесу. Аркадия, Аргос, объявили себя независимыми, а внутри Спарты вспыхнули волнения гелотов и перизков. Эпаминонд использовал это движение против Спарты и в 370 г. в сопровождении отрядов из Аркадии и Аргоса отторгнул у Спарты главный объект спартанского порабощения — Мессению. Он объявил Мессению свободной страной и призвал всех мессенцев, искавших спасения от спартанского рабства на чужбине, вернуться на родину. На его призыв откликнулись тысячи мессенцев. На том месте, где мессенцы многократно вели борьбу за свою независимость, — у горы Ифомы, — основался новый город, который получил название Мессены. Это был первый настоящий город в Мессении. С этих пор Мессения стала вести совершенно независимое от Спарты существование, а Спарта потеряла половину своей территории, причем эта половина была той частью, которая подвергалась наибольшей эксплуатации.

От этого удара господствовавший класс Спарты уже не смог оправиться. Внутри Спарты усиливался процесс распада спартиатского класса и недавние повелители Греции становились в ряды наемных войск. Тот же спартанский царь Агесилай, который во главе спартанских войск порабощал Грецию, теперь (в 361 г. до н. э.) отправляется с отрядом наемников на службу к египетскому царю, а его сын Архидам со спартанскими наемниками сражается в Сицилии и на острове Крите.

В 50-х годах IV в. на арену выступила новая и могучая сила — Македония, подчинившая Греции)

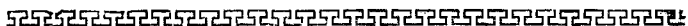
своему политическому контролю. В то время как плутократия греческих полисов, приветствовавшая этот контроль, видела в македонских завоевателях защитников от покушений деклассированных масс на свои богатства, Спарта мобилизовала все свои силы против Македонии.

У господствовавшей верхушки Спарты не было больших оснований опасаться своей деклассированной массы, так как масса эта была невелика, а спартанские власти, помимо прекрасной организации военного дела, располагали еще наемными войсками. К тому же положение эксплуатируемых классов, повидимому, улучшилось как раз в связи с ухудшением положения спартиатского класса; подробно об этом будет сказано ниже.

Подчинение македонскому господству вывело бы Спарту и ее правящие круги из той изолированности в Лаконии, которая продолжала быть характерной для социально-политических отношений в Спарте и позволяла сохранять примитивные формы эксплуатации спартиатами гелотов и перизков.

Тяжелые удары, которые приходилось испытывать Спарте, заставляли правящие круги Спарты стремиться к воссозданию былой военной мощи в ее прежних, связанных с замкнутым существованием в долине Эвроты формах.

Теории и планы возрождения старинной Спарты, ее якобы идеального военно-гражданского строя и теории ликурговой Спарты никак не гармонировали с мыслью о подчинении Спарты какой бы то ни было из эллинистических держав.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СПАРТЕ И ПЕЛОПОННЕСЕ VIII-III вв. до нашей эры

ГРЕЦИЯ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ МИР

Греция III в. до н. э. не была уже тем особым, резко отделенным от окружающих ее «варварских» территорий политическим миром, каким мы ее видели в V и даже еще в IV веке. Завоевания Александра Македонского политически оформили задолго до этого начавшийся процесс экономического и культурного проникновения греков на Передний Восток. Многие десятки, если не сотни тысяч греков осели в Малой Азии, Иране, Сирии, Египте. Греческий язык стал международным языком Переднего Востока. В III в. до н. э. здесь появились крупные монархии с централизованным, опиравшимся на большие армии, развитым бюрократическим аппаратом, который в основном состоял из греков и являлся орудием подавления местного негреческого населения, главным образом, конечно, его трудовых земледельческих масс. В Египте образовалась монархия Птолемеев, в Сирии и прилегающих территориях сложилась монархия Селевкидов, район Балканского полуострова составил область господства македонской династии Антигонидов. Наряду с этими крупными государствами существовало и несколько более мелких.

Во всех этих эллинистических государствах Переднего Востока наряду с рабским трудом широко эксплуатировался и труд зависимого крестьянства, сидевшего главным образом на землях, принадлежавших царю. Таким образом, здесь рабовладельческое хозяйство уже изживало себя, и подготовилась возможность перехода на высшую ступень общественно-го развития, к феодальному обществу.

Греция III в. до н. э. не была уже важнейшей частью эллинистического мира. Главные экономические и политические центры перенесли теперь на остров Родос, расположенный у южного берега Малой Азии, в устья Нила, где вырос тогдашний мировой центр — Александрия, в Сирию, где образовались крупные торговые города, например город Антиохия.

В связи с этим Греция как рабовладельческое общество переживала тяжелый кризис: она не являлась уже тем монополистом морской торговли, каким она была в V и IV вв.; торговля ее сильно упала. Вместе с тем сильно выросли деклассированные массы бывших рабовладельцев. Эксплуатация труда рабов становилась нерентабельной, поэтому владельцы отпускали своих рабов на волю, а сами вынуждены были изыскивать средства к существованию. Они делали профессиналами-солдатами, продавая свое военное искусство тому, кто давал больше, или пытались собственными руками взяться за обработку земли или какое-нибудь ремесло, или жили в городах в качестве уже чисто паразитического элемента, ища случая нажиться.

Эти деклассированные элементы создавали большую неустойчивость в социально-политических отношениях Греции, вызывали постоянные опасения возможности восстаний обнищавшей массы и ее коали-

ций с полусвободными и рабскими элементами в целях захвата и раздела богатств верхушки. Таковую ситуацию мы можем назвать революционной, поскольку она создавалась в результате общего кризиса рабовладельческого способа производства в античной Греции и обозначала основную грань в ее общественно-политическом развитии.

Внешним проявлением этой революционной ситуации были многочисленные тирании против зажиточной верхушки. Тирании эти, появившиеся в III в. в полисах всех частей греческого мира, опирались на деклассированную массу и наемное войско и представляли собой более или менее полный разрыв со старыми общественно-политическими отношениями рабовладельческого полиса.

Плутократическая верхушка рабовладельческого общества искала помощи в борьбе с тиранией у военных монархов Македонии и других эллинистических государств. С другой стороны, эта верхушка искала спасения в организации полисов в крупные союзы, с помощью которых достигалась своего рода взаимная страховка богачей, державших власть в отдельных полисах: такой союз мог располагать крупным наемным войском и легче сопротивляться натиску деклассированных масс.

АХЕЙСКИЙ И ЭТОЛИЙСКИЙ СОЮЗЫ

Общий кризис рабовладельческого общества Греции захватил Пелопоннес тогда, когда в ряде областей этого полуострова рабовладельческие отношения были сравнительно слабо развиты. Ахайя еще в начале III в. была союзом 10 отдельных мало связан-

ных между собою полугородских общин; Аркадия несмотря на постройку Мегалополя тоже оставалась политически отсталой горной сельскохозяйственной областью.

Города Истма и Аргolidы особенно остро переживали общий социально-политический кризис. Именно отсюда исходят попытки организовать союз полисов для борьбы с тиранией, и отсюда ведутся переговоры с царями Египта и Македонии о помощи правящей верхушке. В Сикионе, Коринфе, Аргосе, Мегалополе — главнейших центрах Пелопоннеса — сидели тираны. Их социальную сущность прекрасно иллюстрирует биография знаменитого политика второй половины III в. Арата, главного умирителя революционных выступлений общественных низов и организатора «Ахейского союза», вокруг которого группировались плутократические элементы Пелопоннеса.

Отец Арата — Клиний, крупный сикионский богач, — стал во главе заговора против местного тирана Клеона и, убив его, в 265 г. водворил в Сикионе власть зажиточных элементов. На свои средства он построил в Сикионе роскошную гимназию для развлечения беднейшего гражданства. Размах деятельности Клиния, состоявшего в дружеских отношениях с царями Македонии и Египта, в свою очередь дает яркую иллюстрацию классовой сущности плутократической верхушки греческого общества III в. до нашей эры.

Вскоре против Клиния и его соправителей поднял восстание тиран Абантид: он свергнул и убил Клиния, снова установил в Сикионе власть низов и произвел частичное перераспределение имущества ввиде

конфискации богатств знати. Несколько сот богатейших семей бежало в Аргос. Маленького Арата также увезли тайно в Аргос, где у Клиния имелось много друзей. Историки рисуют Абантида человеком, интересовавшимся философией и ораторским искусством. Убит он был своими врагами на одном из философских диспутов, куда он являлся совершенно за просто.

Жизнь Арата — основателя Ахейского союза — началась в обстановке эмиграции. Через 13 лет Арат становится во главе всех эмигрантов Сикиона и организует внезапное ночное нападение на город и тирана и захватывает в Сикионе власть. Для того чтобы удержать власть, Арату необходимо было пойти на определенные материальные жертвы в пользу беднейшей массы, необходимо было подкупить по крайней мере часть ее. И вот Арат использует для этого свои связи с египетским царем Птоломеем Филадельфом. Он лично отправляется в Александрию и получает от Птолемея крупную сумму. Деньги были необходимы Арату не только для раздачи беднякам: нужно было хотя бы деньгами временно компенсировать вернувшихся и захвативших власть эмигрантов, движимое и недвижимое имущество которых было разделено во время господства тирании между наиболее энергичными сторонниками тирана из беднейшей части гражданства. Вернувшиеся эмигранты, разумеется, требовали возврата себе по крайней мере своих недвижимостей.

В этой социальной борьбе происходило, как указывал Энгельс, только перемещение собственности от одной группы господствующего класса к другой.

Другим основным мероприятием Арата было

включение Сикиона в Ахейский союз. Ахейский союз до описываемых событий, т. е. до конца 50-х годов III в. до н. э., еще не играл крупной политической роли. Главным органом союза был "стратег", избиравшийся на год и являвшийся организатором военных сил союза; ему же, естественно, приходилось вести и внешние сношения союза. Другим общесоюзным органом было народное собрание всего союза, происходившее раз в году в одном из прибрежных пунктов Ахайи.

Однако голосование на этом собрании не было всеобщим; граждане каждого города в своей среде решали тот или иной вопрос и затем подавали один общий голос от всего города. В этом оказывалась примитивность первоначальной организации союза, имевшей целью создание крупной военной силы для самозащиты от развивавшихся в Пелопоннесе тираний, которые были враждебны зажиточным землевладельческим элементам, преобладавшим в союзе.

Союз начал складываться в эпоху борьбы диадочов и был дружелюбен Македонии. Потребность в объединении мелких центров Ахайи стала особенно необходима, с тех пор как Македония вынуждена была вывести свои гарнизоны из Пелопоннеса и заменить свое непосредственное вмешательство в его дела дипломатическим лавированием между плутократией и деклассированными элементами. С одной стороны, Македония налаживала связь с отдельными тиранами Пелопоннеса, например с тиранами Коринфа, с другой — поддерживала дружбу с Ахейским союзом.

В первой половине III в. Ахейский союз стал крепнуть и развиваться как организация богатых и зажиточных рабовладельческих верхов, стремившихся

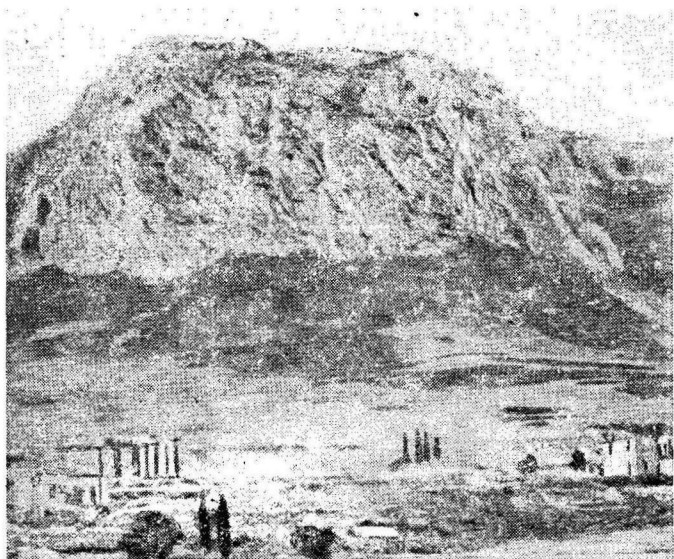
захватить весь Пелопоннес. На этой стадии своего развития, т. е. в середине III в. до н. э., Ахейский союз стал уже во враждебные отношения к Македонии, так как начал видеть в македонском царе своего конкурента по эксплуатации Пелопоннеса.

Этот поворот совпадал с началом деятельности Арата как руководящей фигуры в союзе. В течение 40-х годов III в. к Ахейскому союзу примкнул ряд крупнейших центров Пелопоннеса: Сикион, Коринф, Мегалополь, Мегара, Трезена, Эпидавр и ряд более мелких центров, в том числе и большая часть Аркадии; десятилетием позже к Ахейскому союзу присоединился и Аргос. Все эти присоединения происходили без всякого участия широкой массы гражданства, которая, в лучшем случае, оставалась равнодушной, соблазненная ловкой демагогией неумоимого Арата. Арат организовывал заговоры, в которых крупную роль играли богачи и ростовщики, широко применял подкупы и обычно после такой подготовки проникал ночью в город с вооруженным отрядом, захватывал дворец тирана и власть в городе.

Союз под руководством Арата вырос в сложную организацию с большим бюрократическим аппаратом и с довольно четко проведенной централизацией, но он не поглощал отдельных полисов, и они продолжали сохранять свою политическую индивидуальность.

К середине III в. наряду с Ахейским союзом приобретает большое политическое значение Этолийский союз.

Этолия — горная область на западе Средней Греции, которую заселяли греческие племена, сохраняв-

Укрепленные в древности высоты Акрокоринфа у прохода
из средней Греции в Пелопоннес.

шие родовой строй еще до V в. до н. э. В V в. здесь существовал союз родовых поселков, но союз этот объединял поселки только перед лицом внешней опасности. В конце IV в. появляются более крупные центры, и надписи того времени, дошедшие до нас, делят уже граждан по их принадлежности к тому или иному этолийскому полису, а не по принадлежности к племенной или родовой группе.

К этому времени Этолийский союз был уже союзом мелких рабовладельческих полисов, окруженных мно-

гочисленным скотоводческим и земледельческим населением, благодаря чему этолийцы располагали надежными военными кадрами, а географические условия делали Этолию прекрасно укрепленной территорией. Во время борьбы Греции против ближайших преемников Александра Македонского Этолийский союз широко открыл свои двери для всех изгнанников побежденной Греции и в дальнейшем неизменно сохранял враждебные отношения с Македонией.

К середине III в. к Этолийскому союзу примкнули не только крупные части Средней Греции — Беотия, Акарнания, но с ним завязали отношения и Элида, Мессения и ряд отдельных крупных полисов: Аркадия, Тегея, Мантиней и несколько крупных полисов на островах и даже на малоазиатском берегу Эгейского моря.

Для управления союзом вырос большой центральный аппарат, построенный на принципах рабовладельческой демократии ее лучших времен. Если базой Ахейского союза была плутократия, то база Этолийского союза была гораздо более разнородна: вокруг него группировались как сельскохозяйственные территории со слабо развитыми полисами и с дифференцированным свободным, полусвободным и рабским земледельческим населением, так и высокоразвитые торгово-ремесленные полисы и притом такие, которых сравнительно слабо коснулся кризис греческого рабовладельческого хозяйства. Таким образом, Этолийский союз был политически связан с рабовладельческо-демократическими элементами Греции.

Оба союза — и Ахейский и Этолийский — являлись последними попытками греческих полисов объединиться в более крупные государственные образо-

вания, которые заняли в эллинистическом мире самостоятельное положение. Характерно, что центрами этих объединений были культурно и экономически отсталые области Греции, т. е. области, наименее затронутые процессом разложения рабовладельческих отношений и потому располагавшие наилучшими военными силами.

Оба союза были во враждебных отношениях, особенно с того момента, когда греческий мир и даже эллинистические державы раскололись на два лагеря, вступившие друг с другом в войну: с одной стороны, Ахейский союз, соединившийся со своим недавним врагом — Македонией, с другой — Спарта, сгруппировавшая вокруг себя революционные элементы всего Пелопоннеса и поддерживаемая Этолийским союзом и птоломеевским Египтом.

Эти взаимоотношения союзов ярко обрисовывают две стороны процесса разложения греческого рабовладельческого мира: с одной стороны, революционное движение широких масс, центром которого все больше делалась Спарта, и с другой — консервативные группировки верхушки, оплотом которых был Ахейский союз. Для консервативных группировок политическая независимость была только средством для более широкой эксплуатации рабских и полусвободных масс Пелопоннеса, и они пожертвовали этой независимостью, открыв ворота македонским войскам, как только удар революционных низов стал грозить уничтожением привилегированного положения господствующих верхов.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ГРЕЦИИ IV—III ВВ. ДО НАШЕЙ ЭРЫ

В дальнейшем мы все внимание сосредоточим на Спарте как центре революционных движений греческих масс III в.; выступления Агиса IV и Клеомена III, Маханида и Набиса бросают яркий свет на взаимоотношения классовых сил и классовую борьбу не только в Пелопоннесе, но и во всем эллинистическом мире. Но для того чтобы правильно понять классовую сущность революционных движений III в., необходимо разобраться в той социально-политической идеологии, которая сложилась в предшествовавшие периоды классовой борьбы в Греции.

Нам уже приходилось вскользь касаться этой идеологии, когда мы говорили об идеализации спартанского строя олигархической публицистикой V и IV веков. Эта идеализация выработала представление о замкнутом и самодовлеющем земледельческом государстве, где властвует класс воинов, быт которых организован на коллективистских началах. В идеализированной Спарте собственность и забота об ее приобретении и умножении были безоговорочно изгнаны. Воин-спартиат не имеет никакой собственности: своим земельным участком и сидящими на нем гелотами он пользуется только наследственно на уравнительных началах; даже жена его не принадлежит только ему, не говоря уже о предметах житейского обихода, вроде лошадей, собак, охотничьего снаряжения и пр. «Коллективизм» господствовавшего класса подчеркивался идеализаторами с тем большей силой, чем глубже шло разложение спартанского строя и чем сильнее охватывал кризис все греческое

общество после пелопоннесской войны. Это «лаконофильство» разрабатывало черты спартанского строя, созданного якобы древним законодателем Ликургом, и стремилось создать определенный социально-политический идеал, который удовлетворял бы интересам землевладельцев-олигархов в Афинах и остальной Греции. Низшие классы — гелоты и периэки — почти не затрагивались теоретиками; само собой разумелось, что несвободная и полусвободная масса должна безропотно нести свое ярмо и содержать «коллективистов» — воинов, вырабатывающих в себе высшие гражданские качества.

В самой Спарте с начала IV в. тоже появились публицистические сочинения, выражавшие интересы различных группировок спартиатов, создавшихся в процессе разложения спартанского строя. Таковы сочинения царя Павсания о Ликурге и древней Спарте, призывавшие, повидимому, к уничтожению имущественного неравенства среди спартиатов, изгнанию роскоши, укреплению военного воспитания и к восстановлению «доброе старого времени», которое связывалось с именем Ликурга.

К этому же времени относится и сочинение Лизандра, призывавшее к созданию единоличной царской власти, к уничтожению коллегии эфоров, к отмене, таким образом, старинного строя или к приспособлению его к социально-политической обстановке начала IV в., причем целью Лизандра была диктатура над всей Грецией.

Как мы видим, Лизандр стремился к своего рода «революции сверху», к созданию нового политического строя на старой базе эксплуатации закрепощенных гелотов. Таким образом, развивавшаяся лаконо-

фильская публицистическая мысль греков к началу IV в. уже выдвинула несколько «программ» реформы рабовладельческих отношений. В основе этих программ лежало стремление создать кастовое общество замкнутого типа с господствующим военным классом, основой прочности которого должен был быть обобществленный, коллективизированный быт.

Противоречия рабовладельческого строя остро обнаружившиеся в эту эпоху, вызывали критику существовавших социально-политических отношений и со стороны деклассированной массы. Появились теоретики, отрицавшие рабовладельческий строй, ростовщичество, вообще всю торгово-ремесленную жизнь с ее погоней за наживой и призывавшие ко всеобщему опрощению и равенству, к суровому и аскетическому образу жизни. Целью, к которой нужно было стремиться, теоретики эти считали не военные доблести, а создание независимой личности человека, которому ненужно государство с его принудительной властью. Такова была философская школа киников, или циников, в учении которых, несомненно, проглядывали черты анархизма.

Мы видим, что развившаяся в процессе классовой борьбы критика рабовладельческого строя исходила из двух глубоко различных классовых позиций. С одной стороны, она отражала взгляды олигархической плутократической верхушки, с другой — неорганизованной деклассированной массы, но в некоторых своих частях идеологии той и другой группировки сходились: суровое воспитание, обобществление быта, отрицание общей и, в частности, экономической культуры рабовладельческого общества. Далеко не все представители кинической школы шли так далеко, что

отрицали рабство: в большинстве они сосредоточивали свое внимание на судьбах деклассированной массы свободных, задевая проблему рабства лишь мимоходом. Таким образом, еще больше можно сблизить в смысле идеологического содержания и нападавших «сверху» на распадавшееся рабовладельческое общество и наносивших ему удары снизу, особенно поскольку речь идет о теоретических высказываниях в публицистической литературе. Здесь общая принадлежность критиков к господствовавшему классу чувствовалась сильнее чем в практической борьбе, где разгоравшиеся страсти делали из борющихся группировок смертельных врагов.

Деклассированные массы в своей борьбе с плутократической верхушкой выдвигали боевой лозунг: передел земли и аннулирование долговых обязательств, знаменитое «гес анадасмос кай хреон апокопе», грозно звучавшее на площадях полисов во время социальных взрывов. Этот лозунг был связан с теоретической критикой рабовладельческого общества, но критика эта, заходя очень далеко в отрицании основ общества, практически была бессильна оплодотворить своей теорией практику революционной борьбы, так как не могла формулировать конкретных и осуществимых новых законов общественной жизни. Имея это в виду, мы обратимся к истории Спарты III в. как к центру революционной борьбы в Греции и на ее примере рассмотрим конкретную картину революционной борьбы, сопровождавшей экономическую и политическую деградацию античной Греции.

СПАРТА В III В. ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Процесс разложения спартанского строя, продолжавшийся и в III в., низвел Спарту до положения второстепенного государства в Пелопоннесе, но все же территория Лаконии была крупнейшей, политически объединенной территорией Греции, и по массе своего населения, подчиненного единому государственному аппарату, Спарта занимала исключительное положение. Следовательно, в этом государстве имелись такие возможности возрождения былой мощи в новой социально-политической обстановке, каких не было у других крупных центров прежней Эллады. Это зависело прежде всего от того факта, что Спарта никогда не была типичным греческим рабовладельческим полисом, представляя собой замкнутую область, стоявшую в стороне от главных линий рабовладельческого торгово-ремесленного развития. Эта отсталость Спарты в смысле развития ее как рабовладельческого центра теперь могла сделать ее более приспособленной к изменившейся обстановке чем высокоразвитые рабовладельческие территории. Мы видели, что политическое первенство в Греции как раз и переходило к ранее отсталым сельскохозяйственным областям.

Но для этого в Спарте должны были произойти большие сдвиги, которые устранили бы те уродливые социально-политические отношения, которые образовались в результате разложения спартанского строя, и парализовали военные силы Спарты.

От прежнего класса спартиатов осталось едва 600 человек, из которых только 100 владело землей, «остальная же масса представляла собой нищую и лишенную всякого общественного положения городскую

чернь, нехотя отправлявшуюся на войну, если таковая навязывалась извне, чернь, вечно готовую воспользоваться случаем, чтобы организовать переворот»¹. Концентрация земельной собственности превратила бывший господствующий класс в деклассированную массу. Характерной чертой этих имущественных отношений было то, что земли сосредоточивались в женских руках, так как мужские наследники погибали на войне, а продажа земельных наделов запрещалась, и мобилизация их чаще всего происходила в форме передачи земли в виде приданого. Играло роль здесь, повидимому, и сравнительно независимое положение женщин в Спарте: мы знаем, например, что женщины содержали беговых лошадей и выступали на междугреческих состязаниях, поражая зрителей великолепием своих запряжек.

Таким образом, к середине III в. Спарта стала страной крупного землевладения. Крупные спартиатские владения попрежнему обрабатывались гелотами, но только в их положении произошли, повидимому, какие-то изменения. В III в. мы не слышим об опасности гелотских восстаний. Весьма возможно, что эксплуатация гелотов несколько ослабла в связи с резким сокращением численности спартиатов и гелотам теперь уже не приходилось содержать на прежних основаниях паразитическую массу. Вообще самый характер эксплуатации гелотов должен был измениться с превращением прежнего спартиатского клера в крупное земельное владение. Гелоты, по всей вероятности, вели теперь самостоятельные мелкие хозяйства, выплачивая оброк своим многоземель-

¹ Плутарх «Биография Агиса IV», гл. V.

ным господам и приближались, таким образом, по своему положению к феодальному крестьянству. Такие отношения складывались на спартиатских землях, т. н. государственной территории, лежавшей главным образом в средней части долины Эвроты.

На перизкских землях большое развитие получили торговля и ремесло, начали разрастаться и укрепляться многочисленные центры, число которых доходило до 100. Многие из них были поселениями городского типа. На перизкских землях сидели и перизки — землевладельцы, мелкие самостоятельные хозяева, владевшие своей землей на правах арендаторов государственной земли. Их скорее всего можно отнести к разряду зажиточных крестьян. Весьма вероятно, что в среде перизков сложилась своя верхушка богачей, ставших даже рабовладельцами. Этот элемент группировался, повидимому, главным образом в приморских городских центрах Лаконии. Главным приморским центром был Гитейон. Эти города с конца III в. выделились в особый автономный округ, позднее получивший название Элеуторолакони, т. е. «Свободной Лаконии».

Наконец, в эту эпоху в Спарте существовал промежуточный слой населения, который, возможно, был связан с господствовавшей плутократической верхушкой тем, что получал от нее земли на тех или иных условиях пользования. Плутарх рассказывает про мать царя — реформатора Агиса IV — Агизистрату, которая была богатейшей землевладелицей Спарты и располагала массой зависимых от нее людей и притом не только «должников, но также друзей и пелатов». Эти последние, названные старинным термином «пелаты», должны были представлять со-

бой наиболее тесно связанную с плутократической верхушкой группу. Могли в нее входить и всякого рода мелкие держатели земли, происходившие и из привилегированных гелотов и из периэков, а также и из деклассированных спартиатов.

Возникает важный вопрос: в какой мере применялся в эту эпоху в Спарте рабский труд, являлась ли Спарта вполне рабовладельческим государством? Все немногочисленные данные, которыми мы распо-

Спартанский царь Архидам II
(конец V в.)

лагаем о внутреннем положении Спарты в это время, говорят о том, что рабский труд не был широко распространен и что основным производительным классом продолжали оставаться гелоты, несколько изменившие, как мы указывали, свою классовую природу. Рабская масса в Спарте, несомненно, сильно выросла к этому времени, но рабы составляли главным образом обширные кадры всякого рода слуг господствовавшей верхушки; возможно, известное количество рабов применялось в периэкских хозяйствах.

Такова была картина классовых группировок в Спарте, в то время когда Ахейский союз под руководством Арата быстро распространял свою власть в Пелопоннесе и стремился захватить весь Пелопоннес, в том числе и Спарту. Была ли у господствовавшей в Спарте верхушки острая потребность укрепить свое положение вхождением в Ахейский союз? Основная масса населения — периэки и гелоты — не угрожали непосредственным восстанием, они не представляли собой той деклассированной городской массы рабовладельцев, против которой была направлена деятельность Ахейского союза. Деклассированная масса в Спарте состояла из самих спартиатов, была немногочисленна и находила себе применение в качестве наемной военной силы у эллинистических царей. Мыс Тенар на юге Лаконии был общегреческим сборным пунктом и рынком наемников. Сама господствовавшая верхушка располагала достаточными кадрами наемников для обороны границ и поддержания существовавших отношений внутри.

Учитывая все это, мы с большим основанием можем предположить, что именно агрессия Ахейского союза ставила перед правящими кругами Спарты вопрос не только о необходимости отпора всем попыткам вмешательства во внутренние дела Спарты, какую бы форму эти попытки ни принимали, но и о том, чтобы самим перейти в наступление. Но для этого необходимо было предварительно реформировать социально-политические отношения в Спарте и наладить использование ее больших военных возможностей. И вот тогда, когда развитие Ахейского союза шло особенно стремительным темпом, когда благода-

ря деятельности Арата были оформлены основные цели и классовая сущность союза, в этот исторический момент в Спарте выступает первый царь — реформатор Агис IV, попытавшийся возродить былую военную мощь и славу Спарты, приняв за руководство к действию рассмотренную нами выше социально-политическую теорию.

ВЫСТУПЛЕНИЕ АГИСА IV

Около 243 г. до н. э. (год захвата Аратом Коринфа и присоединения его к Ахейскому союзу) царь Агис IV, из дома Эверипонтидов, выдвинул реформе укрепления спартиатских кадров, для чего он предлагал обедневших спартиатов наделить землей. Основным принципом своей реформы Агис выдвигал материальное и политическое уравнивание всего свободного гражданства. Это должно было, по мнению Агиса, обеспечить прочность и многочисленность гражданского состава, так как настоящим гражданином и воином мог быть только тот, кто владел земельным наделом с сидящими на нем земледельцами. Далее, Агис считал, что прочность государства зависит от умеренности потребностей граждан, для чего необходимо полное изгнание всякой роскоши, от строгого контроля над торговлей и денежным обращением, от неуклонного соблюдения принципа неотчуждаемости гражданских земельных наделов. Агис призывал разом покончить с духом корыстолюбия, с заботами о своих только интересах, — словом, с тем антигражданским духом, который стал господствовать в Спарте, с тех пор как пришел в упадок спартанский строй, установленный некогда Ликургом.

Интересно отметить, что теоретическое направление этим реформам давал друг царя, известный в античном мире философ и социальный теоретик Сфер из Борисфена, автор ряда сочинений, в которых он описывал и восхвалял «ликургов строй».

Как верный последователь своего друга и наставника, Агис вел суровый образ жизни, носил короткий узкий плащ, питался одной грубой похлебкой, которую якобы Ликург предписал спартамцам употреблять в пищу. Агис заявлял, что ему лично царская власть нужна только для того, чтобы, пользуясь ею, восстановить старинный строй и старинный образ жизни спартанцев.

Обращаясь к той самой плутократической верхушке, которую он хотел уничтожить, Агис призывал ее не делать жалких потуг, подражая роскоши и богатству эллинистических царей. «Нам нет возможности сравниваться по богатству с другими царями, — говорил Агис, убеждая свою мать пожертвовать всеми своими богатствами для проведения задуманной им реформы, — ведь рабы и слуги наместников Птолемеев и Селевка гораздо богаче чем все спартанские цари. Если же мы установим равенство граждан и создадим для них в интересах государства обобществленный быт, то приобретем ими и славу подлинно великих царей».

Среди сторонников Агиса, которые восторженно приветствовали его начинания, было много влиятельных лиц, например Лизандр, одноименный потомок знаменитого победителя Афин в эпоху Пелопоннесской войны, Мандроклейд, ловкий и умный политик, и Агесилай, крупный землевладелец, дядя Агиса по матери. Мать царя тоже поддерживала

предполагавшуюся реформу. Она выступила с агитацией среди знатных спартанок, пользовавшихся крупным политическим влиянием, но натолкнулась на решительный отпор. Женщины стали осаждать другого царя, Леонида, из дома Агиадов, требованиями не допускать реформ, угрожавших их богатствам. Леонид, в свою очередь, убеждал влиятельных людей в том, что Агис стремится к единоличной тирании, хочет подкупить бедняков разделом земли и аннулированием долгов и создает не новые кадры гражданства для государства, а вооруженную гвардию для достижения при ее помощи своих целей.

Решительные действия Агиса относятся к 243 г.: он провел Лизандра в эфоры и через его посредство внес в герусию законопроект — «ретру», как это называлось в Спарте, основное содержание которой заключалось в следующем: 1) долговые обязательства аннулируются; 2) вся земля подвергается перераспределению: прежняя «государственная территория», т. е. земли между потоком Пелленой, Тайгетом, Малеей и Селлазией, делится на 4500 клеров, которые распределяются между спартиатами, а земли, лежавшие вне этих границ, делятся на 15 000 клеров и распределяются между перизками, годными для несения военной службы; 3) ряды спартиатов пополняются перизками и иноземцами, физически крепкими и получившими достойное свободных граждан воспитание, спартиаты делятся на 15 сисситий по 200 и по 400 человек каждая, и в этих сисситиях устанавливается образ жизни, существовавший при предках.

СУЩНОСТЬ РЕФОРМЫ АГИСА IV И БОРЬБА ПРОТИВ НЕЕ ПЛУТОКРАТИЧЕСКОЙ ВЕРХУШКИ

Программа Агиса являлась, несомненно, прямым нападением на частнособственнические отношения и имущественное неравенство, развившиеся в среде господствующего класса, но она не только не имела в виду уничтожения основных классовых перегородок между спартиатами, гелотами и перизками, но, наоборот, стремилась реставрировать эти перегородки.

Целью Агиса было восстановление основы военной мощи Спарты — разлагавшегося класса спартиатов. Для восстановления этого класса были, повидимому, использованы и наиболее богатые перизки («получившие достойное свободного гражданина воспитание») и отборные элементы из наемников, которых, вероятно, следует подразумевать под «иноземцами», упоминаемыми Плутархом в биографии Агиса. Совершенно новым явлением в реформе Агиса было учреждение специальных перизкских наделов и вовлечение перизкских земель в план земельного передела. Из этого обстоятельства можно сделать вывод, что и в перизкской среде произошла сильная имущественная дифференциация, тоже сопровождавшаяся мобилизацией земельных наделов.

Таким образом, Агис в планах своей реформы объявил решительную борьбу естественному экономическому развитию Спарты, сближавшему ее с остальным рабовладельческим миром Греции. В своей борьбе Агис воспользовался общим революционным средством эпохи — перераспределением земли и частично денежных богатств господствовавшего класса, но его выступление вряд ли можно назвать революционным, так как он стремился вернуть к жизни древнюю, примитивную Спарту и воссоздать господ-

ствовавший узкий и замкнутый класс воинов со всеми теми доклассовыми пережитками, которые составляли особенность спартанского строя.

«Ретра» Агиса, внесенная в герусию, не получила там определенного разрешения и была передана в апеллу, где согласно существовавшему порядку могли выступать только официальные лица. Поддерживая законопроект, сторонники Агиса — Мандроклейд, Лизандр и Агесилай — выступили с речами против богатства, которое погубило Спарту. Сам же Агис вышел на середину собрания и энергично заявил, что, со своей стороны, он закладывает фундамент реформы, жертвуя государству все свои обширные поля и пастбища и сверх того 600 талантов имеющихся у него денег. Далее, Агис заверил собрание, что его мать, друзья и родственники готовы последовать его примеру.

Когда улеглись восторженные крики собравшихся, выступивший против законопроекта царь Леонид ядовито спросил Агиса, каким образом он выдает свою ретру за восстановление подлинных ликурговых законов, в то время как Ликург менее всего мог проводить передел земли и отмену долгов, да и предлагаемое Агисом принятие в число граждан иностранцев резко противоречит закону Ликурга. Агис, отвечая Леониду, показал себя хорошим учеником Сфера Борисфенского: «Понятно, что ты плохо осведомлен о деятельности Ликурга, — говорил Агис, — так как ты все время вращался во дворцах восточных царей и даже женился по обычаям восточных сатрапов. А то бы ты знал, что Ликург вместе с деньгами уничтожил в Спарте и всяких должников и кредиторов. Что же касается иностранцев, то Ликург воевал не с их физической природой, но с их

образом жизни, который мог быть вреден как дурной пример. Мы знаем многих знаменитых чужеземцев, которые жили и пользовались почетом в Спарте тогда, когда законы Ликурга были в полной силе».

Но и после этого диспута, ретра Аписа не получила дальнейшего движения. Тогда Лизандр, пользуясь одним древним спартанским установлением о порядке контроля эфорами царей, когда эти цари начинали внушать подозрения, обвинил Леонида в том, что у него была жена азиатского происхождения, и Леонид был устранен. Царем вместо него стал Клеомброт, принадлежавший к царскому роду Агиадов, сторонник реформы.

Между тем истек годичный срок службы Лизандра, и вновь выбранная коллегия эфоров обвинила руководителей реформы в нарушении основных устоев спартанского государства. Ближайшим друзьям Агиса грозили тяжкие кары. Тогда Агис в порядке чрезвычайной меры устранил всю коллегия эфоров, и на их место были выбраны другие, в том числе Агесилай. Теперь сторонники реформы были уже сильны и могли угрожать расправой всякому, кто стал бы противиться реформе.

Своим нападением на эфоров Агис чрезвычайно усилил свою власть, которая стала теперь походить на диктатуру, особенно с тех пор как он получил возможность опереться на вооруженную силу своих сторонников. В Спарте начала устанавливаться та же тирания, которая сопровождала обострение классовой борьбы и в остальной Греции.

В дальнейшей борьбе за реформу главная роль принадлежит эфору Агесилаю. Агесилай был сто-

ронником реформы еще и потому, что сам был обременен долгами, но имея, с другой стороны, крупные земельные владения, Агесилай убедил Агиса не сразу проводить обе части реформы, а сначала только аннулировать долги.

Как раз в этот момент Арат от лица Ахейского союза обратился к Спарте за помощью против нападения этолийцев, отряды которых грозили прорваться в Пелопоннес, и Агис во главе ликующего и преданного ему войска двинулся через Пелопоннес к Коринфу, возбуждая восхищение масс давно невиданной дисциплинированностью граждан-воинов. Эта дисциплинированность ставилась в связь с проводившейся реформой. Таким образом, агитация за реформу выходила в связи с этим походом за пределы Лаконии. Учитывая опасность этой агитации для господствовавшей в Ахейском союзе верхушки, Арат начал затягивать решительное выступление против этолийцев, и в конце концов этолийцам удалось вторгнуться в местечко Пеллену и опустошить его.

Во время отсутствия Агиса положение в Спарте изменилось. Агесилай, развивший огромную деятельность по укреплению центральной власти, сосредоточил все внимание на пополнении казны. С целью усиления сбора всяких поступлений и повинностей он не в урочный год ввел 13-й месяц, что, вообще говоря, делалось раз в 8 лет для выравнивания календаря. Собираясь, повидимому, захватить единоличную власть, Агесилай окружил себя особой гвардией кинжалоносцев. Часть населения, недовольная деятельностью Агесилая, организовала против него заговор и вернула к власти царя Леонида, причем масса граждан, обманутая в своих ожиданиях передела земли, не оказала никакого противодействия.

Агис, вынужденный спасти свою жизнь, укрылся в храме Афины Меднодомной, которая видела в своих стенах многих бежавших от преследования спартанских царей. Клеомброту и Агесилаю удалось бежать из Спарты. Агис, укрываясь в храме, рассчитывал на поддержку гражданской массы; ему действительно доставляли пищу, он даже выходил иногда из храма, но через некоторое время вследствие предательства он был отдан в распоряжение эфоров, которые после краткого допроса присудили его к смерти и повесили в специальном потайном месте. Когда же мать и тетка Агиса пришли его навестить, они также были увлечены в тюрьму и умерщвлены там. Эти события произошли осенью 241 года.

Таким образом, все попытки Агиса повернуть вспять ход исторического развития Спарты окончились неудачей. Агис пытался в окружении высококоразвитого и распадавшегося рабовладельческого общества восстановить примитивный общественный строй Спарты, опираясь на наличие сравнительно больших масс свободного деклассированного и перизкского населения, в среде которых еще имелись пережитки военизированного строя, который делал прежнюю Спарту первой военной силой Греции. То обстоятельство, что Агис несмотря на отсутствие сколько-нибудь организованного противодействия и несмотря на сочувствие свободной массы фактически ничего не достиг, свидетельствовало об объективной невозможности реставрации «героической» Спарты.

Вскоре после трагической гибели Агиса на Спарту обрушились этолийцы, вместе с ними пришли изгнанные друзья и сторонники реформы. Это вторжение, таким образом, было связано с неудачей агисовой реформы. Лакония была опустошена, и около

50 000 перизков было уведено в плен. Последнее обстоятельство расценивалось некоторыми представителями господствовавшей верхушки как факт положительный; по крайней мере, один из них заявил, что «к счастью для Спарты враги освободили ее от этого бремени». Очевидно, масса зажиточного перизкского населения, которую Агис хотел частично приобщить к государственной жизни, мешала бесконтрольно властвовать

Спартанский царь Леонид
(эпохи греко-персидских войн V в.)

кучке аристократов-плутократов.

Этолийское нашествие ярко показало связь классовой борьбы внутри Спарты с широко развитой классовой борьбой в остальном греческом мире. Несмотря на то что в отношениях между Этолийским и Ахейским союзами в эти годы наступило перемирие, Этолийский союз все же не мог допустить, чтобы дружественные Арату и основной политической линии Ахейского союза элементы могли получить в Спарте прочное преобладание.

Но сторонники решительных реформ не исчезли

в Спарте со смертью Агиса. Дорогостоящие той же властвовавшей верхушки наемники, делали очень соблазнительной мысль о замене наемного войска старинным, испытанным спартанским войском и о восстановлении военной власти Спарты над всей Грецией; такая власть могла бы с лихвой компенсировать для плутократической верхушки потерю земельной собственности в самой Спарте. Что же касается деклассированной массы, то в ее среде планы передела земли и возрождения спартиатского класса, несомненно, пользовались симпатиями, так как обеспечивали прочное общественное положение и возможность более или менее блестящей военной карьеры. В этой среде были распространены также и сыгравшие, несомненно, свою роль в революционной борьбе этих лет выше характеризованные общественные теории.

КЛЕОМЕН III И АХЕЙСКИЙ СОЮЗ

Молодой царь Клеомен III, сын врага Агиса — Леонида, вступил во власть около 236—235 г., когда руководимый Аратом Ахейский союз начал осуществлять программу полного подчинения своему контролю всего Пелопоннеса. Главные усилия Арата были теперь направлены на присоединение двух крупнейших областей Пелопоннеса — Спарты и Аргоса. Арат делал неоднократные, но пока безуспешные попытки захватить Аргос и в годы вступления во власть Клеомена вел выжидательную политику.

Клеомен с самых юных лет впитывал в себя теории об идеальном спартанском строе, развивавшиеся знакомым нам Сферой Борисфенским, и жадно собирал сведения о деятельности Агиса и его гибели. Отец женил Клеомена на жене Агиса, которая

была значительно старше Клеомена и подчинила его своему влиянию. Леонид, устраивая этот неравный брак, руководствовался материальными соображениями, так как жена Агиса — Агиатида — была одной из самых богатых землевладеллиц Спарты; Агиатида была глубоко предана своему погибшему мужу и его идеям, так что в ее лице Клеомен получил друга и помощника в осуществлении своих планов.

Клеомен начал свое царствование рядом военных действий против Ахейского союза. Он захватил и укрепил пограничное с Аркадией местечко Бельбину. В ответ на это Арат попытался своим обычным приемом — подкупом и тайными ночными нападениями — захватить важнейшие пункты Аркадии — Орхомен и Тегею, входившие в Этолийский союз, но потерпел неудачу. Далее борьба с Ахейским союзом все разгоралась: Клеомен захватил у Этолийского союза Тегею, Мантинею и Орхомен, и этот захват не только не вызвал отпора со стороны этолийского правительства, но был им даже санкционирован: Этолийский союз явно поддерживал спартанского царя.

После этих событий Арат начал лихорадочно укреплять позиции Ахейского союза в Пелопоннесе, для чего необходимо было во что бы то ни стало решить «аргосскую» проблему. В 229 г. Арату удалось, наконец, мобилизовав все свои ресурсы, присоединить Аргос к Ахейскому союзу.

В 228 г. Клеомен, продолжая наносить косвенные удары Ахейскому союзу, вторгся в Арголиду и опустошил ее. С 227 г. начинается уже знаменитая «клеоменова война», которая захватила не только всю Грецию и Македонию, но даже птолмеевский Египет. Военные события в эти годы (227—221) тесно

переплетались с классовой борьбой почти во всех мало-мальски значительных полисах Пелопоннеса и Средней Греции.

Арат и другие стратеги Ахейского союза¹ при встречах на полях битв с Клеоменом обнаруживали большую растерянность: в столкновении при Паллантионе, в Аркадии, ахейские войска отступили без боя, причем вели себя как побежденные, хотя численное превосходство было на их стороне. В следующем сражении, у Ликейона, тоже в Аркадии, ахейцы были совершенно разбиты; распространился слух о том, что Арат убит, но Арат с остатками войска внезапно появился под Мантинеей, прошел в город, присоединил город к Ахейскому союзу, предоставив полусвободным мантинейским перизкам гражданские права.

Клеомену в своей деятельности приходилось испытывать давление господствовавшей верхушки в виде вмешательства эфоров в его предприятия. Эфоры требовали от Клеомена прекращения военных действий, так как в их планы не входили ни полный разгром Ахейского союза, ни рост популярности и значения Клеомена. Клеомен прибег к подкупу эфоров и, получив от них разрешение на возобновление военных действий, повел войска в район Мегалополя, где в упорном бою он еще раз нанес поражение ахейцам. В этом сражении погиб самый значительный стратег Ахейского союза Лидиад.

¹ Интересно отметить, что все они были по большей части бывшими тиранами, перешедшими на сторону плутократической верхушки союза; этим фактом оттеняется особый характер классовой позиции обоих спартанских реформаторов сравнительно с вождями деклассированной массы в других полисах.

Теперь Клеомен, чувствуя себя вождем крупной военной силы, решил приступить к своей главной цели — созданию на новых основаниях «великой Спарты», которая должна была стать во главе всей Эллады, стряхнув с нее господство полуварварских царей.

Для того чтобы устранить все препятствия на этом пути, Клеомен увел в новый поход в Аркадию людей, от которых ждал сопротивления своим планам, оставил их в лагере под Мантинеей, а сам направился с наемниками в Спарту. Еще не доходя до Спарты, Клеомен послал туда небольшой отряд под командой своих друзей «мотаков» с приказом перебить всех эфоров, являвшихся главными противниками замышлявшихся царем реформ. В этом эпизоде характерны два явления: решительность действий Клеомена, шедшего к власти и уничтожавшего на своем пути все препятствия, и то, что главными действующими лицами были «мотаки», т. е. неполноправные спартиаты, происходившие от смешанных браков гелотских женщин со спартиатами. Клеомен как настоящий сын своей эпохи решил опереться на этот деклассированный элемент.

На следующий день Клеомен приказал вынести из места собрания эфоров все кресла, за исключением одного, которое он оставил для себя: этим он оформлял уничтожение эфората и присоединял функции эфоров к своим царским полномочиям. Одним этим актом он превращал прежнюю, весьма слабую, ограниченную чисто военными функциями власть спартанских царей в настоящую, сильную монархию.

ческую власть, в диктатуру, классовую базу которой мы уточним в дальнейшем.

80 граждан были намечены к изгнанию. Клеомен собрал народное собрание и произнес длинную речь, в которой он оправдывал свой образ действий, указывая, что должность эфоров отнюдь не была связана со старинным спартанским строем, что эфорат был создан как временная должность в эпоху завоевания Мессении и что эфоры впоследствии узурпировали власть спартанских царей и были главной причиной вырождения старинного, прекрасного спартанского строя. Они погибли потому, что без этого решительного насилия невозможно было бы приступить к возрождению подлинного спартанского строя, о котором мечтают лучшие люди не только Спарты и Пелопоннеса, но и всей Эллады. Без насилия невозможно вообще радикальное переустройство общественной и государственной жизни. Это доказал сам Ликург, захвативший власть и вооруженной рукой заставивший проводить в жизнь свои законы. «Передо мной же, — говорил Клеомен, — стоит задача — искоренить в Спарте занесенную в нее извне заразу, убивающую ее организм, роскошь и многообразную сложность частной и общественной жизни, должников и кредиторов, наконец, главное зло, из которого все остальные проистекают, — богатство и бедность; я был бы счастливейшим из царей, если бы мог без всякого насилия и боли, как врач, исцелить от этих губительных недугов наше отечество, во необходимость предписывает и оправдывает насилие».

После этого теоретического обоснования Клеомен приступил к практическим мерам. Так же как и Агис, он отказался в пользу реконструируемого государства от своих земельных владений и излишков

движимого имущества; его примеру последовали его ближайшие родственники и друзья. Все спартиатские земли были вновь огосударствлены, разделены на 4000 клеров и распределены между спартиатами, а сама спартиатская масса пополнена наиболее достойными из перизков. Теперь Клеомен обладал 4000 гоплитов, которые должны были стать ядром его военных сил. Он немедленно провел реорганизацию военного строя и перевооружил своих новосозданных гоплитов по македонскому образцу.

Параллельно с этим Клеомен восстановил старинное военное воспитание и быт спартиатов, в это время уже забытые и существовавшие разве только как никому ненужная форма. Главным помощником его в этой деятельности был все тот же Сфер Борисфенский, большой знаток всех древних спартанских обычаев. Были заново организованы сисситии и гимназии, за посещаемостью которых велось строгое наблюдение, причем большинство охотно начинало новую жизнь, меньшинство же принуждалось к этому силой.

Восстанавливая как единоличный властитель строй и быт старинной Спарты, Клеомен понимал, что для зажиточных кругов будет ненавистна монархическая форма правления, поскольку она была связана в это время в Греции с опиравшейся на беднейшие круги тиранией. Поэтому Клеомен и восстановил нарушившееся было при нем и его отце старинное двуцарствие и поставил на пост второго царя своего брата Эвклида, который ничем не мог ограничить фактически диктаторского положения Клеомена.

Таким образом, Клеомен восстанавливал старинный спартанский строй согласно той социально-политической теории, которая стремилась найти выход

из кризиса рабовладельческих отношений в реставрации древнейшего прошлого, в огосударствлении частнохозяйственной жизни и быта, в борьбе с индивидуалистическими стремлениями и бытом верхушечных слоев рабовладельческого общества, - одним словом, в осуществлении того фактического социального равенства всех группировок класса свободных в рабовладельческом обществе, которое было разрушено самим же развитием рабовладельческих отношений.

Конечно, это была утопия, тем более, что эта теория возводила в общественно-политический идеал не что иное, как пережитки первобытно-коммунистических, доклассовых отношений. Клеомен, искренний последователь этой теории, фактически проводил под флагом древнеспартанского строя единоличную диктатуру, опиравшуюся частью на наемные войска, частью же на создававшийся им привилегированно-военный класс, напоминавший социальную базу тиранов высоко развитых рабовладельческих полисов греческого мира этой эпохи.

Параллельно с проведением и укреплением своей реформы Клеомен продолжал энергичное наступление на Ахейский союз. Но теперь слава о спартанском возрождении заменяла иногда необходимость действия оружием: широкая масса беднейшего гражданства открывала ему ворота пелопоннесских городов. Сначала ему сдалась Мантинея; Клеомен выступил здесь законодателем: он установил гражданские законы и ввел новый государственный строй; по всей вероятности, это был строй, опиравшийся на рядовых мелких землевладельцев, к которым были присоединены и прежние полусвободные элементы —

периэки, зависимое положение которых было окончательно ликвидировано. Вслед за Мантинеей целый ряд более мелких центров Аркадии подчинился Клеомвну.

АХЕЙСКИЙ СОЮЗ И МАКЕДОНИЯ

Перед лицом этих событий, угрожавших господствовавшей в Ахейском союзе верхушке, Арат забыл свою вражду к македонской монархии и вступил в тайные переговоры с македонским царем Антигоном Досоном, прося у него помощи против развертывавшегося в Пелопоннесе и связанного с походами Клеомена движения деклассированных масс. Боясь действовать открыто, Арат инсценировал посольство к Антигону от граждан города Мегалополя.

Послы вернулись от Антигона с благоприятным ответом, о чем было доложено на ближайшем общеахейском союзном собрании осенью 226 г. до н. э. Но перед таким сравнительно массовым собранием Арат вынужден был выступать крайне осторожно, под маской сторонника соглашения с Клеоменом. Несмотря на все меры предосторожности, принятые Аратом, Клеомен узнал об этих переговорах и, продолжая развивать свои действия в Аркадии, в сле-

Греческий шлем V века до н. э. Необходимая принадлежность тяжело-вооруженных воинов—гоплитов.

дующем году ещё раз нанес полное поражение ахейским войскам при Гекатомбайоне.

Теперь Арат уж прямо посылает к Антигону своего сына с просьбой о срочной помощи. Но Антигон в виде компенсации потребовал сдачи укреплений Акрокоринфа, главного ключа для входа в Пелопоннес, овладев которым Антигон делался хозяином полуострова. Арат и его сотоварищи готовы были отказаться от политической самостоятельности во имя сохранения своих богатств и привилегий, но масса думала иначе, и под ее давлением были начаты переговоры с Клеоменом.

Спартанский царь потребовал для себя положения полномочного вождя Ахейского союза и в случае согласия обещал ахейцам немедленно вернуть захваченные у них земли и пленных. О вмешательстве во внутренние дела отдельных полисов, о переделе земли и аннулировании долгов речи не было. Клеомен стремился лишь объединить Пелопоннес в централизованное, сильное государство под своей военной диктатурой. Для этого ему необходимо было впритовес повсюду распространенному наемничеству создать войско из граждан-гоплитов, которые дрались бы за свою родину, за свое имущество, за свое привилегированное положение господствующего класса. А для создания такого войска надо было восстановить принцип коллективного владения землей всем классом спартиатов. Это вовсе не означало, что Клеомен принимал как программу революционные лозунги деклассированных масс в крупных полисах: принципиальное нападение на частную собственность; он лишь стремился укрепить положение свободного или полусвободного земледельческого населения как базу военных кадров.

Масса ахейского гражданства настаивала на принятии условий Клеомена и на завершении переговоров с ним на экстренно созывавшемся общесоюзном собрании. Арат в это время старался использовать все возможности для дискредитирования Клеомена, и когда спартанский царь двинулся с войском к Аргосу, где должно было происходить вторичное союзное собрание (на первое Клеомен не попал вследствие болезни), то ему, по настоянию Арата, было предложено явиться на него лишь с небольшой свитой, оставивши военные силы за несколько километров от города. Совершенно очевидно, что господствовавшая верхушка боялась появления Клеомена с войском в таком крупном центре, как Аргос, где деклассированная масса составляла большинство населения. Кроме того по случаю приближавшегося срока Немейских игр большие народные массы скопились не только в самом Аргосе, но и в прилегающем районе.

Явившись на собрание, Клеомен резко напал на Арата, который еще более резко и при том с большой ловкостью отвечал ему, намекая, по всей вероятности, на то, что массе от Клеомена нечего ждать поживы за счет богачей. Так или иначе, но после этого собрания между сторонами наступил разрыв, приведший к военным действиям последнего периода «клеоменовой войны».

Во всем Пелопоннесе начались выступления деклассированных масс, которые признали Клеомена своим вождем: один город за другим открывал ему ворота. Теперь почти вся Аркадия и часть самой Ахайи, Аргос и Коринф были в его власти. Во всех крупных центрах Ахейского союза массы организовывались и были готовы вступить в организуемый

Клеоменом союз. Клеомен сделал последнюю попытку договориться с Аратом, который теперь был не только главой Ахейского союза, но получил чрезвычайные и неограниченные полномочия вместе с титулом «стратегос аутократор», т. е. военный диктатор. Клеомен обратился к Арату с предложением не сдавать Акрокоринфа Антигону и в крайнем случае занять эти укрепления объединенным ахейско-спартанским гарнизоном; он предлагал выплачивать Арату большую субсидию, большую, чем тот получал от египетского царя. До получения ответа Клеомен сохранил в полной неприкосновенности имущество Арата, находившееся в распоряжении спартанского царя в Аргосе и Коринфе, — одним словом, Клеомен шел на компромисс с Аратом и Ахейским союзом, лишь бы не пустить в Пелопоннес внешнюю силу, которая не только могла бы задавить возглавлявшееся Клеоменом социальное движение, но и полностью подчинить Пелопоннес политическому контролю Македонии. Однако Арат, считая себя классово более близким македонскому царю чем спартанскому реформатору, вывел ахейский гарнизон из Акрокоринфа.

Вскоре после этого Клеомену предложил союз египетский царь Птоломей Эвергет, рассчитывая использовать спартанского царя как антимакедонскую силу. Македонский царь был врагом египетского властителя в борьбе за преобладание в греческом мире и в прилегающих передне-восточных территориях. Со своей стороны Птоломей мог оказать Клеомену существенную поддержку и своим флотом обезопасить Пелопоннес от вторжения македонских войск морским путем. Клеомен принял этот союз, а сам преградил Антигону доступ в Пелопоннес через

Истм. Измена в Аргосе, давшая возможность ахейским войскам вступить в город, заставила Клеомена отступить от Коринфского перешейка. Антигон прорвался в Пелопоннес и начал расправу со сторонниками Клеомена. Отдельные центры, как например Орхомен, были даны на разграбление наемникам Антигона, другие подверглись разрушению, а жители — чуть ли не поголовному избиению. Особенно жестоко пострадала Мантинея, в которой Клеомен установил новый социально-политический строй.

ВТОРАЯ РЕФОРМА КЛЕОМЕНА III

После этой неудачи Клеомен сосредоточил свои силы в Спарте и приступил к проведению своей второй реформы, существенно дополнившей и даже видоизменившей первую. Вторая реформа давала возможность наиболее зажиточным гелотам вступить в гражданские ряды. Было объявлено, что всякий гелот, который внесет в казну 25 мин (около 125 рублей в золотой валюте), получает свободу. 6000 гелотов сделали этот взнос, и 2000 из них были немедленно вооружены и включены в спартиатские военные ряды.

Вторая реформа Клеомена характеризует прежде всего дифференциацию в рядах эксплуатировавшихся классов. Мы видели, что в среде перизков выделялась зажиточная верхушка. 15 000 перизкских наделов, проектировавшихся царем Агисом, предполагают наличие массы крепких земледельцев и землепользователей, самостоятельных хозяйств, размеры которых по лаконским и даже общегреческим масштабам вряд ли могут быть названы очень мелкими,

так как они равнялись, во всяком случае, нескольким гектарам.

Теперь мы сталкиваемся с фактом наличия уже в гелотской среде 6000 хозяйств, располагавших относительно значительной денежной наличностью. Эти 6000 хозяйств должны были представлять значительный процент всего гелотского населения Лаконии, если предположить, что в них группировалось около 20 000 гелотов. То обстоятельство, что гелоты могли вооружиться за свой счет, лишний раз говорит о хозяйственной самостоятельности и обеспеченности отдельных гелотских семейств.

Таким образом, в конце III в. до н. э. в Лаконии существовало хотя и зависимое и бесправное, но в известной своей части хозяйственно крепкое земледельческое население гелотов. Первая реформа Клеомена имела главной целью возрождение класса спартиатов и поэтому вряд ли была благоприятна для гелотов. Освобождение закрепощенного труда сначала не стояло в программе реформы, предпринятой для возрождения массы спартиатов и распространявшейся также на зажиточную часть перизков. Но разворачивание борьбы заставило Клеомена довести до логического конца свою реформу, сущность которой заключалась в воссоздании господствующего военного класса, опиравшегося на среднее уравнительное землевладение и землепользование, базировавшееся на принудительном труде гелотов. Однако для успешного нападения на крупное землевладение и для его уничтожения необходимо было расширить кадры воссоздаваемого класса, включив в него часть перизков. Борьба с враждебными реформе силами разлагавшегося рабовладельческого общества Греции сделала необходимым дальнейшее расширение военных

кадров, которые теперь из военно-землевладельческих превратились просто в военно-земледельческие кадры. Эти кадры были, однако, на привилегированном положении, ибо несвободная гелотская масса окончательно ликвидирована не была. Вторая реформа Клеомена стремилась создать довольно демократический общественный строй, в котором основная масса граждан представляла собой массу мелких землепользователей, являвшуюся вместе с тем и основной массой населения. Население, не получившее прав гражданства, т. е. оставшаяся часть гелотов и, возможно, часть периэков, была, разумеется, объектом эксплуатации, но положение и этого низшего слоя спартанского населения было теперь неизмеримо лучше чем в классическую эпоху спартанской истории. Оставалась еще рабская масса, в правовом и хозяйственном положении, которой вряд ли произошли какие-нибудь существенные перемены, но рабская масса в Опарте, как мы знаем, была незначительна.

Спартанский строй в конце царствования Клеомена радикально преобразовался: от старинного строя, идеализированного политическими теориями, остались одни внешние формы. Диктаторская власть сосредоточилась в руках царя, опиравшегося по-прежнему на широкую массу военизированного, но теперь уже радикально демократизированного гражданства, причем основной угнетавшийся и эксплуатировавшийся класс в значительной своей части почти растворился в гражданской массе.

В 221 г. до н. э. Клеомен был разбит соединенными македоно-ахейскими силами в битве при Селлазии и бежал к египетскому царю, рассчитывая на возможность продолжения своей борьбы. И действительно: несмотря на ликвидацию победителями

клеоменовых реформ и восстановление прежнего строя, в Спарте не прекращалось антимакедонское и антиахейское движение, связанное с революционным процессом разложения рабовладельческих отношений в греческом мире.

Этолийский союз продолжал оставаться непримиримым противником и Македонии и Ахейского союза.

В первые же годы после разгрома Клеомена в Спарте вспыхивают одно за другим два восстания против вернувшейся к власти плутократической верхушки. Желая использовать эту ситуацию, Клеомен занялся в Египте подготовкой вооруженного похода в Пелопоннес для завершения своих планов, прерванных поражением при Селлазии. В Египте он собрал несколько тысяч спартанских и пелопоннесских наемников, которые, повидимому, и должны были составить основные кадры клеоменовой армии. Но Птоломей Эвергет, поддерживавший это предприятие Клеомена, рассчитывая таким путем нанести удар Македонии, вскоре умер. Его преемник попытался использовать Клеомена как рядового командира наемников, но, получив от него отпор, заключил спартанского царя под стражу. Клеомен с помощью ближайших друзей бежал в Александрию, попытался вызвать там народное восстание, но потерпел полную неудачу и был убит в 219 г. до нашей эры.

Революционное движение продолжало разрастаться. В Спарте, соединившейся теперь с Этолийским союзом, появляются уже единоличные властители, открыто называвшие себя тиранами и продолжавшие дело Клеомена. В 219—217 гг. до н. э. эта борьба вновь завершается победой македонских сил и

в Спарте опять приходит к власти плутократическая верхушка.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ НАБИСА

В последнее десятилетие III в. в греческие дела начинает вмешиваться новая сила — Рим, который охотно раздувает классовую борьбу в Греции и поэтому с особенным вниманием относится к Спарте как к крупнейшему очагу революционных движений. В Спарте в это время появляется яркая фигура тирана, деятельность которого отразила настроения и чаяния не только деклассированных масс, но и трудового полусвободного и рабского населения. Это тиран Набис, оставивший по себе полные ненависти воспоминания среди господствовавших слоев Греции.

Набис (207-192 гг. до н. э.) появляется у власти в Спарте после тирана Маханида, который упорно боролся с ахейской плутократией и пытался восстановить клеоменовы порядки, но был разбит Филопеменом, преемником Арата по руководству Ахейским союзом.

Основными мероприятиями многообразной и бурной деятельности Набиса были: объединение всех беднейших слоев населения Пелопоннеса, разгром крупноземлевладельческих элементов и почти полная ликвидация личной несвободы в Спарте. Понятно, что привилегированные слои греческого общества отвечали ему непримиримой ненавистью. Греческие авторы, принадлежавшие к привилегированной части населения, изображают Набиса в виде какого-то чудовищного выродка и злодея.

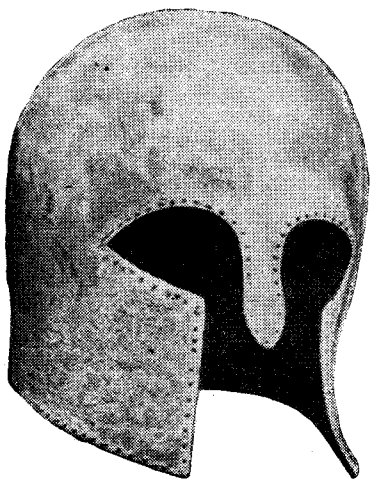
В захвате власти Набису, вероятно, помогло его царское происхождение. Подобно своим предшественникам, он под лозунгом восстановления «идеального ликургова строя» на деле пытался развивать строительство новых общественно-политических отношений. Набис всячески покровительствовал периэкским городам, но основная классовая ориентация Набиса была на общественные низы, вплоть до несвободных и рабов. Он завязал тесные сношения с главным, так сказать, штабом средиземноморских пиратов — с критскими пиратами, причем иногда ему приходилось сталкиваться на этой почве и со своим другим, дипломатическим другом — Римом. В итоге этой политики Набиса Спарта стала серьезной морской силой, о чем документально свидетельствует одна надпись с острова Делоса — почетный декрет в честь спартанского тирана.

Основным мероприятием Набиса внутри страны было укрепление свободных трудовых сельскохозяйственных хозяйств. Набис не только ликвидировал гелотство как несвободное состояние, но снабдил бывших гелотов землей. Не довольствуясь юридическим уничтожением зависимости, Набис добивался фактического, бытового освобождения гелотов. Рядом принудительных мер, путем браков, он стремился смешать бывших спартиатов с бывшими гелотами. Греческий историк Полибий, бывший почти его современником и отнюдь не враг рабовладельческой демократии, так характеризует Набиса: «Набис изгонял граждан, освобождал рабов и женил их на женах и дочерях их господ... Он открыл в своих владениях как бы священное убежище всякому, кто был изгнан из родной земли за нечестие или подлости, и собрал таким образом в Спарте множество преступного народа...»

Для массы новых граждан при Набисе была создана шестая фила, получившая название «фила новых граждан».

Этим завершался процесс разложения спартанского строя. Временно, на сравнительно краткий период апогея революционной борьбы, в Спарте возникла социально почти однородная гражданская масса, рядом с которой продолжал существовать и незначи-

тельный слой рабов, не игравших почти никакой, ни экономической, ни социальной роли. Таким образом, в Спарте гораздо полнее чем где бы то ни было в остальном греческом мире временно была ликвидирована эксплуатация несвободного труда. Эта ликвидация протекала в форме бурной революционной борьбы, в которой активно участвовали не только сами гелоты, но и сталкивавшиеся между собой группировки остального разлагавшегося рабовладельческого общества Греции. Эти столкновения выражались в войнах и восстаниях, организационным центром которых была Спарта.

Греческий шлем V в. до н. э. — необходимая принадлежность тяжеловооруженных воинов — гоплитов.

Подобная расстановка социально-политических сил зависела от того, что историческое развитие Спарты

сделало ее тем звеном в цепи рабовладельческих отношений Греции, в котором противоречия этих отношений достигли наивысшего напряжения. Прimitивность социально-политического строя Спарты в окружении высокоразвитого рабовладельческого общества Греции, в котором Спарта играла выдающуюся политическую роль, обусловила быстрый темп и своеобразный характер разложения социально-политической системы Спарты. Разложение это захватило прежде всего спартиатскую верхушку, опиравшуюся, как мы видели, на крайне примитивную экономическую базу, что привело к полному разрушению этой верхушки при формальной законсервированности всей социально-политической системы.

Противоречие между формой и содержанием достигало высшей степени напряжения. Эта напряженность обуславливалась, кроме того, еще и тем крайне существенным обстоятельством, что разлагавшаяся социально-политическая система Спарты не превращалась в рабовладельческое общество, а классовые отношения в ней развивались в направлении формирования предпосылок для появления феодального общества. Но на данной ступени развития античного рабовладельческого мира создание феодального общества было невозможно. Этим, может быть, объясняется напряженность и трагизм социально-политической борьбы в Спарте и во всем Пелопоннесе в начале II в. до нашей эры.

Процесс социальных изменений при Набисе происходил в обстановке жестокой борьбы с Ахейским союзом и Македонией и в союзе с Римом, признавшим «де-юре» и «де-факто» власть Набиса. Но ког-

да в 197 г., после решительных преобразований и распространения своей революционной деятельности и за пределы Спарты (в Аргосе), Набис провел конфискацию имуществ и земли в пользу бедноты и установил режим террора, направленный против плутократической верхушки, против Набиса выступает грандиозная коалиция почти всего рабовладельческого мира Греции во главе с Ахайей. В эту коалицию входил пергамский царь Эвмен и остров Родос. После героической и упорной защиты Набис вынужден был просить мира. Этот мир был заключен в 194 г. до н. э. на условиях отказа Набиса от его заморских связей и власти над приморскими периэскими городами, но с полным сохранением его власти во внутренних делах. Уже через год Набис начинает новую борьбу за отторгнутые от Спарты периэские морские порты, но терпит в этой борьбе поражение и погибает.

После гибели Набиса положение в Спарте резко меняется: она включается в Ахейский союз и внутри страны начинают ликвидироваться те социальные и имущественные сдвиги, которые произошли при нем. В 188 г. вождь Ахейского союза Филопемен захватил Спарту, новые граждане из гелотов были частью переселены в Ахайю, частью обращены в рабство и проданы на сторону, «ликургов строй» отменен и заменен ахейскими учреждениями. Многочисленные изгнанники — землевладельцы и богачи, бежавшие в разные города Греции от диктатуры Набиса, начали возвращаться в Спарту и требовать компенсации. В ответ на это в Спарте вспыхивали восстания.

В конце 80-х годов II в. в Спарте на короткое время установилась тирания Хирона, продолжавшего политику Набиса.

Но теперь уже Рим начинает все более и более властно распоряжаться в Греции, и не случайно то обстоятельство, что после разгрома Набиса его сторонники, истощенные борьбой с Ахейским союзом, попытались передать Опарту в полное подданство и распоряжение римского государства, пройдя первыми в Греции по этому пути.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Географические условия Пелопоннеса и Спарты	3
Происхождение и развитие Спартан- ского государства	9
Борьба поработенных масс против Спарты и разложение спартанского строя	45
Революционные движения в Спарте и Пелопоннесе в III — II вв. до нашей эры	60

Уполномоч. Главлита № Б-23242 Издат. № 686. Заказ 195.
Тираж 30.000 Формат бумаги 1/32 бум. листа. Сдано в набор
20/1-1936 г. Подписано к печати 20/VII-1936 53312 зн. в п. л.

Типография газ. „Правда“ им. Сталина
Москва, ул. „Правды“, 24.